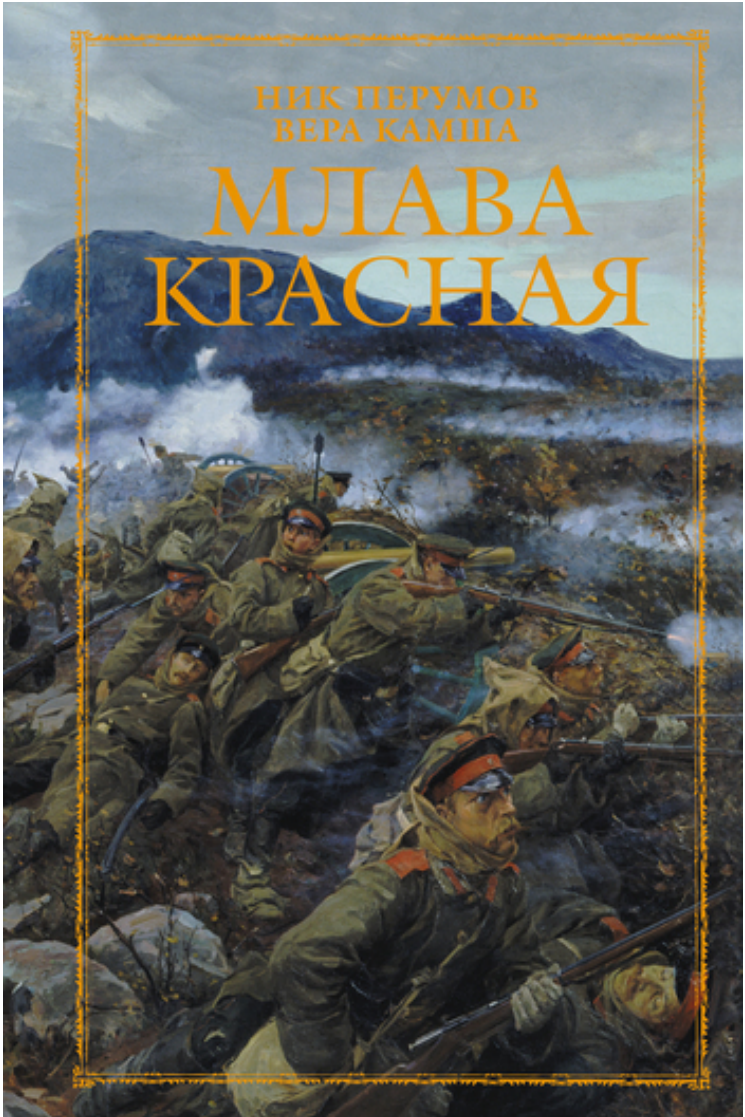
НИК ПЕРУМОВ
ВЕРА КАМША
МЛАВА
КРАСНАЯ

Вера Викторовна Камша
Ник Перумов

Млава Красная

Серия «Млава Красная», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2672265
Млава Красная: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54030-3

Аннотация

Осень 1849 года. Громом среди ясного неба раздается манифест василевса, отправляющего войска Державы к границе с Ливонией. Напрасно пытаются убедить государя, что такой жест чреват новой общеевропейской войной, к которой русская армия не готова. Напрасно напоминают о балканской кампании, которую ливонская авантюра грозит сорвать, твердят об амбициях кайзера Пруссии и его отборных наемниках. Арсений Кронидович не из тех, кто отступает, и не из тех, кто бросает единоверцев без помощи. Приказ отдан, и со сказанным теперь предстоит жить… а тем, кто выйдет к берегам пограничной реки Млавы, – возможно, и умирать.

Другая история, другая Россия, другой XIX век, в котором еще слишком свежа память о славных походах Буонапарте и Суворова.

Новый роман – итог сенсационного соавторства двух блестящих писателей, ложащийся в фарватер отечественной исторической и военной прозы, но это не «Князь Серебряный», не «Россия молодая», не «Живые и мертвые» и не «Битва железных канцлеров», это – «Млава Красная», и в этой книге возможны любые чудеса.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 44
1. Дворцовая площадь 44
2. Ресторация Танти 65
3. Бережной дворец 76
Глава 2 93
1. Посольство королевства Пруссия 93
2. Бережной дворец 101
3. Берег Ладоги. Посольство королевства Пруссия 111
Глава 3 117
Глава 4 139
1. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам 139
2. Бережной дворец 149
Конец ознакомительного фрагмента. 161

Ник Перумов, Вера Камша
Млава Красная

Пролог

Если бы я разбил Коалицию, Россия осталась бы столь же чуждой Европе, как, к примеру, Тибетское царство. Благодаря этому я бы обезопасил мир от казаков.
Наполеон Бонапарт

Королевство Великая Саксония
Окрестности Зульбурга
26 июля 1824 года

Солнце в зените, и лучи его отвесны, они впиваются в землю подобно штыкам, давят на плечи, жгут. Городок Зульбург замер, прислушиваясь к яростному рёву пушек – подле самых своих стен. Пусты улицы, пусты булыжные мостовые, добрые обыватели попрятались кто куда – потому что совсем близко сошлись грудь на грудь две армии, два многоглавых дракона, рвущие сейчас друг друга в клочья.

Солнце в зените, но само светило не разглядеть. Пороховой дым плавает уже не облаками – тучами; копоть оседает на лицах и мундирах, жжёт даже привычные ко всему солдатские глотки. Но дышать пусть и этакой гарью куда лучше,

чем стоять под чугунным ливнем французских ядер, кромсающих сейчас два русских полка, что зубами вцепились в невысокие холмы Шляффхерде. Пушки с клеймом великого Буонапарте, императора французов, раз за разом с глухим, смягчённым расстоянием гулом извергают всё новые порции проклятого дыма, круша многострадальные редуты на холмах и выбивая их защитников.

Барон Александер фон Шуленберг, ротмистр лейб-гвардии его высочества принца Иоганна гусарского полка, достал уже далеко не белоснежный платок и украдкой промокнул слезящиеся глаза. Надо же, боевой офицер, а самый страшный враг – не вражьи клинки или пули, а пороховая гарь. Её ротмистр переносил плохо, но ещё хуже у него получалось терпеть бездействие. Сводная бригада прусских гусар и русских кавалергардов с утра стояла за возвышенностью, примыкавшей к увенчанному разбитой мельницей холму, и ждала приказа. Как бы ни хотелось добраться до чужих батарей и проверить остроту сабель на французских шеях, но…

– У нас есть приказ – стоять, – отрубил, опережая возможное недовольство подчинённых, командир первого эскадрона Конрад фон Пламмет, – значит, мы стоим. Вот и наследники тут, оба. Вместе с полковыми командирами. Тоже стоят и смотрят.

Возразить на это – если на мгновение представить, что в эскадроне найдётся смельчак, способный перечить Лысому Конраду, – было нечего. Принц Иоганн и русский наслед-

ник сидели на барабанах, время от времени поднося к глазам подзорные трубы. Беседовали августейшие особы или молчали, гусары издали понять не могли, но неподвижность свит говорила сама за себя: цвет союзнической конницы в бой пока не идёт.

– Как бы не перестоять нам тут, – донеслось до барона.

Младший брат эскадронного командира, Герберт фон Пламмет, прищурившись, смотрел на скрытое дымными клубами поле, словно надеясь разглядеть там что-то, не видимое товарищам.

– Слабовато у нас здесь, господа. Надавят французы – быть беде. Русские побегут и нам помешают.

– Тоже мне стратег! – вырвалось у Шуленберга. Тон Герберта был холодным, сухим и каким-то неприятным. О союзниках, что русских, что австрийских и британских, он говорил с откровенным пренебрежением, хотя русские труса отнюдь не праздновали. Как и сам Герберт, кстати.

Пламмет-младший не удостоил ротмистра ответом. Даже головы не повернул. Однако, с неудовольствием признавался себе Шуленберг, в чём-то заносчивый Герберт был прав…

Да, приказа всё не было. Знаменитые чёрные гусары стояли в считаных минутах галопа от избиваемых редутов. Господин полковник фон Зерофф разрывался между сражением и августейшим шефом, не отвлекаясь на вверенный ему полк, но Лысый Конрад несдержанности подчинённых не потерпел бы, тем более на глазах у русских. Эскадроны хму-

ро топтались на месте, люди молчали, но лошадей, как бы вышколены они ни были, показным спокойствием не обманешь. Заводясь от своих всадников, легконогие вороные красавцы рыли землю, охлёстывали себя хвостами, прижимали уши, будто вместе с дымом ловили ноздрями тревогу.

Барону Александеру чудилось, что цветом лица он неотвратимо уравнивается с мастью своего коня и оттенком мундира. Разумеется, гусар преувеличивал – если кто сейчас и уподоблялся африканским чернокожим, так это защитники холма, на котором стояли русские батареи, а здесь, в расположении кавалерии, пушек не было, не было и боя. Гвардейские, украшенные высочайшим вензелем, клинки мирно покоились в ножнах. Французская артиллерия безумствовала. Русская пехота держалась.

* * *

– Буонапарте, чертяка. Так же хорош, нам на горе…

Корпус князя Петра Ивановича Арцакова-Калужинского стоял на стыке союзных армий, занимая те самые холмы Шляффхерде, наскоро укреплённые редутами перед сражением.

Уже и в ту, и в другую стороны прокатились волны атак, столь же бесплодных, сколь и кровавых. И русские с пруссаками, и французы так и оставались, где были, нигде не сбив противника с позиций. По крайней мере здесь, у Шляфф-

херде. Впрочем, могло обернуться и хуже – особенно когда на сильно поредевшие в ходе последнего наступления Угреньский и Ладожский полки обрушилась подоспевшая вражеская кавалерия. Разогнавшиеся уланы разом ударили во фланг и тыл наступавшим русским батальонам. К счастью, и угреньцы, и ладожане сумели перестроиться и, отбившись штыками, отойти. Конница, сделав своё дело, убралась, но треклятые ядра усугубляли и без того немалые потери.

– Нет, не стал ты, Буонапарте, хуже, никак не стал…

Император французов вёл сражение с ловкостью прирождённого бойца, мастерски владеющего любым оружием. Изящный и молниеносный выпад конницы – словно разящий укол рапирой; атака же пехоты, поддержанная пушками, – точно кулаком в скулу. Французов здесь, под Зульбургом, меньше, чем союзников, зато командует ими настоящий полководец. И, несмотря ни на что, заставляет русского василевса с прусским кайзером плясать под свою дудку. Удар то на одном фланге, то на другом. Тени конных, мелькающие чуть ли не в тылу союзной армии, и поди пойми, учинил ли Буонапарте столь излюбленный им глубокий обход или отрядил пару эскадронов – сбивать неприятеля с толку, вынуждая гоняться за призраками.

Русские же и прусские контратаки натыкались на умело направляемый огонь вражеских батарей – не зря ж Буонапарте был в молодости артиллеристом, и притом из лучших.

Вот и сейчас вражеские орудия стреляли с завидной точ-

ностью и частотой, так что князю Петру Ивановичу только и оставалось, что всею душой молиться за удачу собственных пушкарей, старавшихся дать укорот знаменитой буонапартовой артиллерии. И ещё давить в себе запоздалую и потому ненужную злость.

Сегодняшний неуспех являлся сыном вчерашней ошибки, когда не растерявший за годы заточенья своих талантов Буонапарте в третий раз за кампанию опередил союзников. На сей раз – на холмах возле Зульбурга. Шедших в авангарде прусских драгун встретили французские артиллеристы, успевшие укрепиться на ближайшей к городу и при этом более высокой гряде. Вежливый союзник уступил место русской пехоте, вынужденной занять гряду пониже. Редуты строили всю ночь, не рассчитывая, впрочем, на особо шумное дело.

И василевс Кронид Антонович, и кайзер Мориц-Иосиф полагали, что основные события развернутся южнее, а у Зульбурга всего лишь будет разбит спешащий на соединение с императором французский корпус. Оказалось наоборот. Это Буонапарте присоединился к своему маршалу, заняв город под самым носом у русско-прусской армии, после чего немедленно двинулся навстречу союзникам. Потрясатель Эуроп был настроен решительно, его армия, одержав несколько побед в предыдущих столкновениях с австрийцами и русскими, – тоже.

Разбитые в пух и прах австрияки после полученной трёп-

ки притихли, хорошо ещё – не подписав сепаратного мира. Впрочем, бездействие их мало отличалось от капитуляции; император, великодушно пощадив напуганную Вену, получил возможность всей силой обрушиться на свежего врага и, разумеется, её не упустил. Буонапарте помнил, сколь сильно мешала его противникам «двухголовость» в первую войну его имени, и не без оснований рассчитывал на несогласованность действий русских и пруссаков.

Союзники тоже спешили. Кайзер опасался вторжения, предпочитая воевать на чужих землях, которые в случае очевидного успеха могли бы и перейти к Пруссии. Не забыли в Берлине и события Первой Буонапартовой войны, когда после первых же неудач кайзеровской армии крепости одна за другой сдавались коронованному капралу почти без выстрелов. А если принять в расчёт, что император вновь громче, чем когда-либо, говорит о Свободе, Равенстве и Братстве… Нет уж, лучше держать его подальше от своих границ.

Кронид же Антонович был уязвлён неудачами помогавшего Австрии русского корпуса, зол на Буонапарте, видя в нём «разрушителя священных основ», и при этом очень верил в своих генералов и своих солдат.

В общем, все три монарха торопились решить если не судьбу уже третьей по счёту большой «буонапартовой» войны, то уж текущей кампании – точно. Преждевременная встреча лишь распалила василевса и кайзера, что, надо думать, немало обрадовало императора. Впрочем, начал он как

обычно: атаковал первым, стремясь захватить инициативу. И, тоже вроде бы как обычно, стал давить большей частью на флангах. Атаки, однако, были отбиты, и союзники в свою очередь пошли вперёд. Тоже безуспешно. Надежды обеих сторон на быструю победу угасли спустя четыре часа артиллерийских дуэлей, атак и контратак. Битва вскипела по всему изгибу позиции, от по-русски непроходимого леса до довольно-таки полноводного Зуля.

Дважды верный наступательной тактике Буонапарте добивался успеха в каком-то одном месте, сначала против русских, потом – пруссаков, был атакован вторым союзником, и на этом всё кончалось. Но от намерения разгромить врага император французов отказываться не собирался, и Арцаковым всё настойчивей овладевала мысль, что пресловутый «третий раз» придётся на край русской позиции, где у реки холмы сходили на нет, а напротив, за грядой, вполне могла сосредоточиться вражеская кавалерия. Впрочем, несладко было везде. Арцаков пытался разглядеть хотя бы ближние редуты, но видел лишь дым, где ждали очередной атаки два полка. Вернувшийся адъютант заверил, что и угреньцы, и ладожане держатся, но это было четверть часа назад.

– Ваше высокопревосходительство! – Молодой князь Шаховской, адъютант василевса, картинно осадил своего аргамака рядом с привычным ко всему донцом Арцакова. – Его василеосское величество обеспокоены состоянием нашего правого фланга…

– Я тоже обеспокоен. – Пётр Иванович неторопливо опустил трубу.

– Его василеосское величество требует во избежание обхода нашей позиции елико возможно скрытно выдвинуть бригаду полковника Булашевича к реке в распоряжение князя Варчевского. Государь в то же самое время велел отметить, что весьма удовлетворён стойкостью вверенного вашему сиятельству корпуса.

– Прошу передать его василеосскому величеству мою признательность.

– Приказ…

– Будет выполнен.

* * *

Белые с алой оторочкой мундиры, статные серые кони, жаркая медь касок и кирас… Отличить одного кавалергарда от другого – задача не из лёгких, тем паче в пороховом дыму, но «Кусаку» Янгалычева штаб-ротмистр Тауберт узнал тотчас. Любезный друг Васенька бешеным карьером нёсся прямиком к начальству. Обычно Янгалычев держался в седле, как и положено лейб-гвардейцу, лишь изредка сбиваясь на приёмы, унаследованные от предков – татарских мурз. Обойти Васеньку, когда такое случалось, на памяти Тауберта не удалось ещё никому.

– Странно, – не поняли за спиной штаб-ротмистра, – в

чём дело-то?

– Никак что-то важное?

– Может, хоть сейчас зачешемся!

– А ты удила погрызи. Полегчает.

– Кусака просто так не вернётся, увидел что-то… Никола, как думаешь?

Янгалычев со своими был в передовом охранении, что стояло повыше, у разбитой в щепки мельницы. Он в самом деле мог увидеть…

– Господа, давайте подождём.

Васенька подлетел к командиру полка, спрыгнул с седла и под перекрёстным огнём русских и прусских взглядов принялся докладывать, пару раз неуставно ткнув рукой в сторону французов. Начальствующий над кавалергардами князь Лев Григорьевич Орлов-Забецкой вольности подчинённого не заметил. Повернулся и в сопровождении не отстающего ни на шаг Васеньки направился к прусскому полковнику. Разговор получился коротким, пруссак махнул рукой кучке гусар, так же как и Тауберт со товарищи составлявших охрану начальства. Кавалергардам особое приглашение не требовалось. Небольшой отряд устремился к останкам несчастной мельницы, где и замер, пожирая глазами поле боя.

Два статных всадника, чёрный и ещё утром белоснежный, долго всматривались в дымные облака, эскорт со рвением следовал их примеру.

В гуле канонады разобрать приглушённый разговор не

смогла бы даже сова. На первый взгляд казалось, что французы как стояли у подножья своего холма, так и стоят. Собственной трубы Тауберт не имел и разглядеть в деталях, что происходит, не мог, выручил Васенька: пока господа командиры любовались на дым, подъехал и просветил.

– За холмом лягушатники. С самого Шляффхерде не видно, но отсюда, со стороны, кой-чего просматривается. А мы глазастые… – Янгалычев залихватски подмигнул, но привычных смешинок в голосе не было и в помине. – Кого там и сколько, пока не понять, но ты же видишь – батарей-то выставили, ей-богу, ещё столько же, сколько было. Так что, брат Никола, скоро будет ещё жарче.

– Кому жарче? – огрызнулся штаб-ротмистр, сдерживая пляшущего Аякса. Жеребцы, ища выход нерастраченной злости, лезли в драку, но и Тауберт, и Кусака Янгалычев были слишком хорошими наездниками, чтобы позволить лошадям сцепиться. – Кому, Василий? Нам с тобой или Орлову?

– А нечего было Орлуше четыре ноги на две менять! – Васенька то ли скривился, то ли улыбнулся. – Эка невидаль, старший братец полк принял. Не вешаться же!

Тауберт не ответил – балагурить остзейский немец не умел и не любил, а за Орлова сердце болело с самого утра. Когда приятель решил расстаться с белым мундиром, эскадрон был полностью на его стороне. Сергий славился своими выходками на всю столицу, и Льву Григорьевичу, чтобы со-

хранить лицо, пришлось бы взыскивать с младшего брата куда строже, чем было принято в полку. Знаменитого Орлушу с распростёртыми объятиями приняли бы хоть конногвардейцы, хоть лейб-гусары, но Сергий подал рапорт о переводе в пехоту. Армейскую. Василевса таковое желание приятно поразило, и ротмистр кавалергардов стал пехотным полковником[1]. Ко всеобщему удивлению, неплохим. Прекратились и знаменитые орловские фортели – дуэли, пирушки, розыгрыши; чужие жёны и те отступили пред аглицкими да Буонапартовыми воинскими трактатами. Только вряд ли писания тогда ещё низложенного императора помогают стоящим сейчас под ливнем Буонапартовых же ядер ладожанам.

– Никола, к генералу!

Значит, начальники приняли решение. Точно, приняли! Окликнувший Николу адъютант уже гнал своего красавца куда-то в тыл, а тяжёлый взгляд Забецкого гнул к земле следующего подчинённого.

– Ротмистр[2], вот донесение для князя Арцакова. И давайте быстро; кто его знает, что видно там Петру Ивановичу из его виноградников…

Генерал-майор на брата походил не слишком сильно, но фразы они обрывали одинаково.

---

[1] Гвардия двумя чинами выше армии.

[2] Приставка «штаб-», «штабс-» при обращении традиционно опускалась.

* * *

Французские пушки стали бить чаще, это полковник Орлов понял очень быстро. Проклятущий дым мешал разобрать, что творится, – пространство перед холмом просматривалось какими-то лоскутьями, прорехами в сером саване, да ещё и плывущими по воле ветра. В конце концов Сергий смог-таки углядеть новые батареи, внезапно возникшие против русских позиций. Вот их не было, а теперь есть. И что же это означает, хотелось бы понять…

Объяснение имелось, и оно полковнику не нравилось неимоверно. Увы, ничего другого в голову не приходило, а на редуты сыпалось всё больше ядер, укрепляя Орлова во мнении, что надобно ждать сюрпризов. Пока же ничего не менялось: синие массы французской пехоты с места не двигались, свежие силы из-за осёдланного артиллерией холма тоже не спешили.

По отрывочным сведениям от промелькнувших дивизионных адъютантов Сергий знал, что и справа, и слева всё кипит, и вот тебе раз – новые пушки Буонапарте выставляет не там, где жарче всего, а против Шляффхерде.

Полковник окликнул ординарца, тоже Сергия, и с нарочитой неторопливостью обошёл поредевшие батальоны, через каждые десять шагов всматриваясь в то, что трактаты величают ареной военных действий, а поэты – полем брани. Им-

ператорская артиллерия просто сходила с ума, и когда наконец сквозь прорехи в дымном саване получилось разглядеть ползущие из-за холма свежие колонны, Орлов не удивился, почти отстранённо отметив, что, если так пойдёт и дальше, к началу теперь уже несомненной атаки от полка останется не больше половины. И у соседей в Угреньском – тоже.

Двадцатисемилетний Орлов был не самым молодым полковником русской армии, но самым младшим из полковых командиров. Василевс, командующий корпусом, командир дивизии, брат, наконец, – все с той или иной долей такта советовали, намекали, требовали в отсутствие прямого приказа слушать командира угреньцев, но тот на сей момент ничем не мог помочь. Французское ядро угодило в пушку, обломки полетели во все стороны, и полковника Росского приложило куском лафета. Орлов видел, как бесчувственного Сигизмунда Михайловича волокут в тыл. Соседу повезло не дождаться шагавших вслед за французами соотечественников-лехов, Орлову не повезло остаться старшим воинским начальником в двух расстреливаемых полках. И сейчас он не собирался смирно стоять под ядрами, благо старшим офицером угреньцев оказался командир первого батальона Колочков, человек храбрый, решительный, ну и добрый приятель Сергия.

Дальнейшее было очевидным – написать предельно краткий рапорт, сунуть его легкораненому поручику, собрать батальонных командиров, ещё раз прикинуть силы француз-

ские и свои собственные.

Когда-то Орлов считал ошибкой вступление в европейскую войну, к тому же на стороне напрочь прогнивших германских монархий. Ещё зимой он изрядно повздорил с Васенькой Янгалычевым, полагавшим вернувшегося Буонапарте упырём, коего надобно любой ценой упокоить вместе с его эгалитами, кодексами и банкирами. Никола Тауберт, ходячее немецкое здравомыслие, насилу тогда растащил разошедшихся приятелей. А сегодня в мозгу Орлова осталась только ненависть к ополовинившим его полк французам и уверенность, что выход есть, нужно только забыть устав и прочее «не положено». Последнее для бывшего кавалергарда Орлуши труда не составляло.

* * *

Бригада Булашевича ушла, и возвращение её требовало времени. То, что пришлось бы нарушить прямой приказ василевса, Арцакова не тревожило. Булашевич был кем угодно, но не трусом и не педантом, он закрыл бы прорыв грудью, не спрашивая дозволения, хоть бы и высочайшего, вот только появление у французов новых пушек могло означать как попытку удержать столь необходимые в другом месте резервы у ненужного Шляффхерде, так и скорую атаку именно здесь.

Василевс предполагал, что Буонапарте, великий мастер

обходов, попробует проявить своё уменье у реки. Или и у реки тоже… В обоих случаях возвращать Булашевича было нельзя, в третьем, становящемся всё вероятнее, – нужно, но, похоже, поздно. Во всех смыслах. Это Арцаков понял из записки Орлова-Забецкого, доставленной плотным, серьёзным штаб-ротмистром.

Уточнять особого смысла не имелось, Лев Григорьевич писал толково и чётко, но Арцаков всё же спросил:

– Сам-то видел?

Штаб-ротмистр ответил уверенно: да, ваше высокопревосходительство, видел. В точности кто и сколько – не скажу, но резервы к французам подходят…

– По всему, подошли уже. – Донесение Забецкого перекочевало к ординарцу лишь с небольшой припиской: *«Я тут их задержу, чем и сколько смогу, но шлите подкрепления как можно быстрее»*. Соблюдать политес было некогда, объяснять очевидное – глупо. Государь и так разберёт, что Буонапарте решил ударить на стыке русских с пруссаками, разрубая пополам всю позицию союзников. Превосходная организация армии позволила императору французов скрывать свой замысел почти до самого конца: собранные для решающего удара резервы уже выходили на исходные позиции, а союзное командование, отвлечённое ложными атаками на обоих флангах, опасности всё ещё не видело. Арцаков перехватил поводья, заметил серьёзного кавалергарда и вдруг вспомнил себя двадцатилетнего у стен почитавшейся непри-

ступной османской крепости. Как же его тогда тянуло в бой! Стоять и смотреть – это генеральское проклятье, молодость должна драться и не думать ни о чужих смертях, ни о своей, а великий князь Севастиан без отцовского приказа и бутерброда не скушает, не то что не атакует.

– Тауберт.

– Да, ваше высоко…

– Останетесь при мне. Разберусь и отправлю вас с ответом. Господа, едем к ладожанам.

* * *

Теперь выползающий из-за горки неприятель был виден просто отлично. Глядя на марширующие к его редутам густые колонны, Орлов всё сильнее укреплялся в своём решении. Не ждать, не ждать, опередить! Если нельзя стоять на месте и ещё больше нельзя идти назад, остаётся идти вперёд.

На покрытом копотью лице полковника ярко блестели злые светлые глаза, превращая князя то ли в арапа, то ли в оперного демона, но держался Орлов с невозмутимостью опытного картёжника. Это Колочков в карты не играл – ни средств не имея, ни склонности… Орлов по лицу приятеля читал, как по книге, – тот готов был грызть французов зубами, но не знал, с какой стороны кусать.

– Видишь? – хрипло сказал Колочков. – Лягушатники-то!

– Да, они весьма заметны, – согласился Сергий. – Мил-

друг Аникита, а не ударить ли нам, пока они всей толпой разворачиваются да устраиваются?

– А и ударить! – Угренец стукнул кулаком о кулак. – Сейчас как слетим с горочки, как врежем, а там и подоспеет… кто-нибудь. Ты ж донесение посылал?

– Посылал. Мол, ждать нельзя, всё погубим. Значит, решили?

– Да.

– Не дожидаясь приказа?

– Куда, к чёрту, его ждать?!

– Ну, раз решили… Барабанщики!

Французы не успели пройти и половины пути до высот, как два русских полка устремились вниз по склону.

* * *

Орловский посланец попался Арцакову на полпути к редутам. Генерал прочёл короткую записку-донесение, чертыхнулся и дал шпоры коню. Привычная свита рванулась следом.

На холм они выскочили, когда батальоны ладожан уже спускались. Угреньцы без командира слегка замешкались, и князь, не меняя аллюра, резко свернул, послав дончака через разбитую телегу. Тауберт со своим Аяксом арцаковский маневр повторили, прочие догнали начальство уже среди строящихся колонн. Генеральский рык своё действие возымел.

Не прошло и пяти минут, как Угреньский полк скорым шагом двинулся навстречу свежей вражеской пехоте. Лехи, и спасибо, что в этот раз не кавалерия.

– Если Буонапарте возьмёт Шляффхерде и прорвётся дальше, – Арцаков ожёг взглядом свиту, точно среди поручиков и штаб-ротмистров затесался сам Потрясатель Эуроп, – нас отрежут от пруссаков, и как бы любезные союзники не уподобились австриякам! Княжевич, пиши. Его василеосскому величеству. В дополнение к рапорту Забецкого.

– Стягивать сюда другие части корпуса опасно, – счёл своим долгом вмешаться начальник штаба. – Против них французы тоже начали атаку, приковывая к месту.

– Верно, душа моя. – Арцаков уже притушил вырвавшееся на мгновенье пламя. – Только растопыренными пальцами Буонапарте не бьёт, а кулак у него здесь, перед нами. Смотри-ка…

Генералы со своими трубами могли видеть и отсюда, но для обычных глаз было слишком далеко, и Тауберт отъехал поближе к редутам, восхищённо глядя в спину уходящей в бой пехоте: ну Сергий, ну орёл…

– Ротмистр! – Так, ясно… Князь поворачивается, сейчас придётся…

Из дымного мешка вырывается ослепительное солнце. Огромное, тяжёлое, жаркое, оно валится вниз на них с Аяксом. Вспышка. Грохот. Тьма. Звон… Тишина.

– …слышите меня? Чёрт… Ротмистр?!

Что за несуразица? С чего это он разлёгся и зачем так орать?.. Какой-то гусар… Поручик… Гусары вообще громкие, а этот ещё и курносый… Ох, голова-то… того, побаливает. В спину упирается нечто твёрдое… А, прислонили к разбитому лафету. В общем, понятно – приложило тебя чем-то, друг ситный, но не насмерть и даже, похоже, без крови. Руки-ноги целы, да…

– Да я, оказывается, и встать могу! Сейчас…

– Не спешите, ротмистр. Назад я вас сейчас посылать не буду. – Арцаков. Смотрит с некоторым сочувствием… Вот ведь какой! От Забецкого подобного не дождёшься. – Я уже отправил к великому князю своего адъютанта, так что приходите в себя. Целы, и слава богу. Теперь долго жить будете.

– Спасибо, ваше высокопре…

– Сидите уж! Коня я вам одолжу, но, уж не обессудьте, гнедого.

Коня? Какого коня? Зачем?! Чёрт, он же был верхом…

Болела не только голова, но и шея, пришлось отрываться от лафета и поворачиваться всем телом. Слева не нашлось ничего примечательного, справа… Справа взгляд упёрся в осёдланный неподвижный холмик. Такой знакомый, такой серый… М-да, бедный Аякс. Отбегался, мой хороший…

– Хлебните-ка. – У губ булькнула любезно поднесённая фляга. Курносый гусар всё понял без слов, да и как бы иначе? Гибель лошади для кавалериста – потеря друга, родного существа, его не заменишь… То есть заменишь, конечно же,

куда денешься, вот прямо сейчас и заменишь. И ком в горле тоже проглотишь. – Чем же это нас так?

– Зарядный ящик на батарее рванул, вот и достало. – Курносый снова понял. – Вашего серого осколками… Он начал падать, а вас оземь знатно приложило. Ушиблись, не без того, хорошо, каска выручила, а так ни царапины!

– Каска? – Точно, помята, гребень сбит напрочь, зато голова цела… Вроде бы… Что ж, прощай, Аякс. Пять лет вместе были; с тобой пять, с Орлушей – шесть… А вот каркать не надо, хоть бы и про себя, – не ворона!

– Простите, не расслышал.

И хорошо, что не расслышал.

– Коньяк, поручик, у вас неплох…

– Не у меня, у Петра Ивановича. Так встаёте?

– Встаю.

* * *

Русская пехота шла в атаку. Изнывающей же кавалерии оставалось либо злиться, либо размышлять, и фон Шуленберг обдумывал происходящее, стараясь не позволить эмоциям ударить в голову. Вывод был очевиден. Тот русский начальник, что решился на атаку двумя полками против не менее чем дивизии, немножко сумасшедший, но он абсолютно прав, а вот стоящие на месте – нет. Ротмистр не отказался бы выслушать мнения майора фон Пламмета и полковника

фон Зероффа, поскольку от высочайших особ мнения, судя по всему, ждать не приходилось, и это было прискорбно. Шуленберг видел, как фон Зерофф и русский генерал, вроде бы и не сговариваясь, смотрят на шефов своих полков, и не сомневался, что взгляды эти требовательны и жёстки, как сама война.

Русские знамёна уже спустились до середины склона, ещё немного, и дойдёт до штыков. Отличный момент для фланговой атаки, но принцы медлят, и виноват в этом русский. Наследник василевса старше Иоганна почти на десять лет, и, чёрт побери, это его пехоте сейчас нужна поддержка кавалерии.

Сбоку что-то сказали на чужом языке. По-русски Александер знал не так много слов, эти были ему незнакомы, но ротмистр предполагал, что́ может сейчас говорить быстрый кавалергард, который вчера так интересно рассказывал об османах и, как это… зербах, веселя весь бивак. Странная такая фамилия, Йан-га-ли… Как он говорит, восточные корни, а командиры полков, оба, уже почти кипят. Когда старина Зерофф так поджимает губы, он взбешён, да и русский… Мой бог, он же сейчас перчатки свои порвёт! В конце-то концов, что его высочество Иоганн, что этот… сын василевса – они не командуют, а лишь при сём присутствуют. Понятно, придворный политес обязывает, но здесь не дворец и даже не плац, здесь сражение.

Фон Зерофф отчаянно рубанул воздух рукой, русский

уставился на своего принца требовательным взглядом, свиты – обе – даже попятились, спрятавшись за спины высочайших особ.

Шуленберг так и не понял, что и как произошло, наследники по-прежнему сидели с застывшими лицами, а господа командиры вскакивали на коней. И долгожданное на два голоса:

– Трубачи!

Ну вот и славно, Шуленберг вместе с товарищами радостно-облегчённо рявкнул:

– Хох!

Поют трубы, зловеще шелестят обнажаемые клинки, и чёрные гусары трогаются с места. Застоявшиеся лошади, заводясь всё сильнее, рвутся вперёд, их приходится сдерживать, не позволяя ломать строй. Эскадроны ускоряются, набирают ход.

Шуленберг на левом фланге, совсем рядом правофланговые всадники русских. Поймав взгляд барона, салютует своим клинком Йан… тот самый Василий, и Александер отвечает старинным прусским приветствием. Неважно, что там решили наши принцы, а мы, приятель, идём в атаку. Вместе идём!

* * *

Барабаны мерно рокочут, и рокот этот, хоть и заглушаем

непрерывной орудийной пальбой, добирается, как говорят солдаты, до самого «нутра». Военная музыка не просто так появилась, она придаёт решимости, помогает сделать первый, такой нужный шаг и уже не останавливаться и не оглядываться.

«Это как идти к барьеру, – повторял про себя Орлов, шагая под барабанный рокот по заросшему пыльной травой склону, – разве что чуть дольше. Это как идти к барьеру, только и всего!» В самом деле, так ли уж важно, сколько пуль в тебя метит, от судьбы не уйдёшь, но догнать её можно. Да, два помятых полка против дивизии – нонсенс, но сдавать Шляффхерде нельзя, а значит – вперёд, и пусть князь Арцаков сделает больше. Петру Ивановичу не впервой хватать Буонапартовых маршалов под уздцы, герой Калужина и перед самим императором не оплошает, лишь бы узнал вовремя… Сергий сделал ставку на то, что узнает.

Атаки сверху французы не ожидали и, увидев спускающихся им навстречу русских, на какое-то время замялись, а тут и артиллерия с полуразбитых редутов помогла, внезапно перенеся огонь с чужих батарей вниз, на подступающую пехоту. Ядра ударили в тесно сомкнутые ряды, пробивая в них кровавые просеки, убивая, калеча, разрывая тела на части. Это как идти к барьеру, Орлуша…

До врага две сотни шагов, даже меньше. Пожалуй, пора. Когда всё решено, когда ничего не остановить и не изменить, когда поздно передумывать, ты можешь быть только прав.

Полковник вскидывает шпагу и оборачивается, на миг сталкиваясь взглядом с тёзкой-ординарцем:

– Вперёд, ребята! В штыки, дружно!

Озверевшие от стояния под ядрами ладожане переходят с мерного шага на быстрый, а затем и на бег, благо бежать вниз, и ударяют-таки в штыки. Сразу. Без выстрелов. Ружейный залп у французов выходит поспешным, с дальнего расстояния: всё же растерялись там немного командиры и слишком рано приказали палить. Свист проносящейся мимо смерти, падающие с криком или же молча те, кому не повезло, частая-частая барабанная дробь, хриплое дыхание и редкая ругань. Ещё один залп, теперь уже почти в упор; десятки валятся под ноги сотням, но взятого разгона не остановить. На последних шагах – рёв из множества глоток, с криком легче бросаться на выставленные штыки, которые вот-вот обагрятся твоей кровью. Ур-р-р-ра! Опр-р-р-рокинем! Пр-рор-рвёмся! Ур-р-ра!

Синие и зелёные стены сходятся и словно вскипают мешаниной штыков, прикладов, киверов, медвежьих шапок, но это видят разве что облака и те, кто на холмах. Здесь, внизу, всё просто. Удар в живот, под скрещивающиеся на груди ремни, удар, после которого не выживают, выдернуть клинок, увернуться, когда сосед убитого попытается достать тебя, ударить снова…

– Вперёд, ребята! Вперёд!

Первые шеренги французов не выдержали яростно-отча-

янного броска ладожан, дрогнули, показали спину, смешав порядок тех, кто шёл следом, но до конца опрокинуть всю линию не получилось. Надрывались трубы, барабаны и офицерские глотки, Буонапартовы ветераны-шрамоносцы хватали бегущих за шиворот и чуть не пинками заставляли повернуться, а снизу спешили на помощь своим гренадеры свежих батальонов. И вот вместо бурых ранцев на синих спинах перед глазами чужие озлобленные лица и вновь ищущие русской крови штыки – успех при первом натиске оказался впечатляющим, но недолговечным, да Сергий другого и не ждал. Смешали, опрокинули передовых, оттеснили от редутов, вынудили бросить в бой резервы – вон слева замелькали мундиры с красными отворотами, не было их сначала – уже хорошо.

– Рота, пали́!

Как же теперь пригодился прибережённый заряд в стволе. Залп с десятка шагов, почти в упор, не очень стройный, зато ни одна пуля не пропала – первый ряд воодушевившихся синих словно уложило невидимой косой.

– Сбили французу ход! – заорал, пользуясь секундной передышкой, полковник. – Сбили, братцы! И дальше им спуску не давай!

Не давали. Штыки пронзали тела, приклады ломали, дробили кости и валили с ног, в ход пошли солдатские тесаки, а кое-где и кулаки, но всему бывает предел. Порыв русской пехоты сначала понемногу, а потом всё быстрее сходил на

нет. Ладожане падали, французы прибывали.

– Сергий… Сергий Григорьевич!

– Что, Ельшин?

– Угреньцев справа обходят! – Так ли это и насколько страшно, в смертоносной суматохе не разберёшь, но ведь разумно же! Со стороны французов самое милое дело, а Колочков, увы, не Росский, может и растеряться. Полковник рванулся к угреньцам, и тут его ухо сквозь какофонию боя уловило нечто знакомое. Нет, он не ошибся, это трубы, родные трубы кавалергардского полка выводят «Атаку»… Братка Лев, и как же, чёрт бы его взял, вовремя!

* * *

Тяжёлые кавалергарды на своих мощных рослых конях шли в центре, гусарские эскадроны с обеих сторон обрамляли нацеленный на французский фланг живой таран. Всё как положено: кавалерия атакует на рысях, команду «Марш-марш!» дадут в ста шагах от неприятеля – чтобы сохранить строй и ударить разом. Уже скоро дадут.

Александер фон Шуленберг торопливо – больше времени не будет – утёр несчастные глаза и покосился на русских. Чего они медлят? Если сейчас не…

Звонко вскрикивает чужая труба, её призыв сливается с приказом прусских горнов.

«Марш-марш!»

Вот оно!

Русские разом переходят на просторный всесокрушающий галоп. Угнаться за могучими серыми скакунами трудно – у них просто ноги длиннее, да и сердце больше, они дольше не задохнутся, но барон Александер не желает отставать. Гейер – отличный конь с примесью восточных кровей, они справятся, ведь справятся, правда, дружище? Ветер бьёт в лицо и сдувает эти проклятые слёзы, гудит под ударами тысяч копыт земля, и всё громче храп прибавляющих ходу лошадей, серых и вороных. Они с Гейером идут почти вровень с Василием, и они не одни такие. Многие, как и Шуленберг, хотят при столкновении оказаться рядом с русскими, многие рвутся вперёд, не все выдерживают… Гусары немного растянулись; собственно, так и должно быть – тяжёлая конница ломает строй противника, лёгкая гонит и рубит бегущих, если… когда те побегут.

Впереди вразнобой трещат выстрелы… хватит оглядываться, французы уже вот они! Думать некогда, бояться – тоже. Это пехота идёт в бой с криком, кавалерия налетает молча. Только гул разбуженной неистовым бегом земли и конский храп. Ну и лязг – сколько металла на лошадиной амуниции, сколько – на кавалергарде!

Пустое поле впереди сматывается грубым выцветшим сукном, синяя полоса растёт, распадается на фигуры с лицами, шапками, ружьями… Ага, не успели! Несущихся в атаку кавалеристов не встретила артиллерия, не перехватили дра-

гуны, ну так получайте, господа! Что, не ждали от нас такого?!

Шедшие первыми русские буквально сносят, как весенняя вода запруду, начавший было перестраиваться егерский батальон, а вот уже и работа для гусарских сабель.

Хох! Форвертс! Александер рубил крест-накрест, по обе стороны лошадиной шеи, лезвие послушно рассекало человеческие тела и только раз обиженно звякнуло об умело подставленный ствол ружья – повезло этому стрелку, ну да ладно, нет времени топтаться на месте, вперёд! Синие фигуры разбегаются, чёрные, как карающие фурии, преследуют и убивают. Бой – это охота, празднество, пир!..

Шуленберг, ликуя, вместе со своим взводом пронёсся сквозь развалившийся французский строй, за которым металось нечто светло-зелёное. Вестфальцы! Ах вы ж подпевалы Буонапартовы… Явились, да? Почти на границу Пруссии? Так получайте!

* * *

– Господин полковник! Вашвысокобродь!

Орлов обернулся. Не выдержал, присвистнул не хуже Янгалычева.

Совсем близко неуклонно продвигалось вперёд императорское знамя – статный француз в расшитом золотом и залитом кровью мундире увлекал за собой плотно сбитый клин

опытных, судя по их немолодым лицам, бойцов. Гренадеры, явно из тех, «Славнейших»…

– Я их остановлю! Дозвольте.

– Отставить.

Остановит он… Ладожане не лейб-гвардионцы, а герой поручик Ельшин – не Байар Неистовый. Ты, впрочем, тоже…

– За мной, ребята! – Это опять просто, это опять как к барьеру… Хриплое «Ура!» за спиной, топот ног, справа и слева. Догоняют, такие-разэдакие, а француз-то у нас генерал! Надо же, схватка вождей, прямо как в старину! Представиться? Незачем.

Лязгнули, сталкиваясь, клинки, противник метнулся в сторону, норовя проколоть русскому бок. Не успел: может, споткнулся, может, кровь, заливавшая синий мундир, была не чужая, а своя – Сергия это не волновало, он просто хлестнул по подставленному плечу. И сразу второй удар, теперь уже в горло…

– Вашбродь!!!

Ненависть в чужих глазах и нацеленные в грудь штыки. Ветераны-гренадеры чуть-чуть не успели спасти своего командира, что ж, теперь они отомстят. Французы-то промешкали, а вот ординарец Сергий успел. Стволом ружья отмахнул в сторону два вражеских штыка и грудью принял третий. От четвёртого Орлов ушёл сам, отправив синего ветерана следом за его генералом. Подоспел Ельшин с наспех со-

бранной полуротой, оттеснил французов, дав командиру короткую передышку – как раз закрыть тёзке глаза. Пресветлый ключарь не заметит подмены. Раба Божьего Сергия он встретил, а уж князь тот или солдат…

Полковник поднял мимоходом сорванный французским штыком медный солдатский крестик, сунул в карман. Вольнодумец Орлов существование Бога отрицал, но при чём тут Бог?

* * *

У Николы Тауберта едва горло не перехватило от гордости за свой полк и за своих товарищей – они налетели так яростно и стремительно, с такой отчаянной отвагой! Неудержимо несущаяся лавина кавалергардов и чуть приотставшие, прикрывающие их с флангов эскадроны пруссаков. Белое и чёрное… Великолепное зрелище, вызывающее душевный трепет, а он – здесь, на холме, без бедняги Аякса и с фляжкой генеральского коньяка! В душе всё вскипело от чудовищной смеси восторга, обиды и досады, но восторга, потеснившего даже боль потери, всё же было больше.

Выстрелы и штыки не смогли остановить союзную кавалерию, и вот фланговые батальоны французов разбегаются, солдаты группами и поодиночке стремятся под защиту своих не попавших под удар и не потерявших строя товарищей. А тем уже не до обходов и не до Орлова – части, что должны

были сокрушить русскую пехоту, разворачиваются и смыкают ряды, готовясь отразить новый натиск. Да, это тебе не австрияки, не баварцы и даже не лехи. Это Буонапартовы французы! Ощетиненные штыками каре одной лихостью не возьмёшь, как бы ни хотелось. Атаке конец, теперь только ждать артиллерию и лейб-гренадер – личные резервы василевса, если не врут адъютанты князя, уже в пути.

Услужливый ветер доносит сквозь притихшую было канонаду зов трубы. Орлов-Забецкой не глупей своего штабротмистра, он созывает кавалергардов назад, под знамёна, и не только он. Белое, чёрное, синее, светло-зелёное стекается в крупные капли, подаваясь в разные стороны.

Взгляд с болью отмечает на блеклой траве среди обильного синего снежные пятна знакомых мундиров. Не даром удалось остановить маневр французов, ох не даром! И пруссакам тоже досталось… А сейчас, похоже, им всем достанется ещё больше!.. Кто бы из маршалов Буонапарте здесь ни командовал, соображает он быстро, и вслед за пехотной из-за холма на поле выплёскивается вторая волна, на сей раз конная.

* * *

– Эгей, гусар! – прокричал вновь оказавшийся рядом Василий. – Руби их в песи! Ферштей?

Фон Шуленберг не понял и просто отсалютовал кавалер-

гарду клинком.

– И то, – кивнул русский. – Вместе и жабу есть веселей! Не то что лягушатников!

Йан-га-ли-чефф, само собой, отлично изъяснялся по-французски – как и сам барон, но сейчас речь врага звучала бы издевательством.

– Да, – обрадовался знакомым русским словам Шуленберг. – Вместе! Веселей!

Мысль была шалая и по-настоящему гусарская, кроме того, она оказалась последней, потому что пришлось вновь идти в бой согласно диспозиции, которую в считаные минуты при виде брошенной в бой французской кавалерии сочинили господа полковые командиры.

На сей раз первыми на врагов – бодрых и чистых драгун – ринулись «чёрные гусары», налетели, закружили, разозлили и увлекли за собой. Под удар заново собравшихся в кулак русских. Василий с товарищами не сплоховали, их атака заставляла вспомнить о белых альпийских лавинах, столь же неудержимых и блистательных. Всё вышло просто великолепно, и сейчас барон Александер со товарищи увлечённо охотился на французов, брызгами разлетевшихся по полю. О, сей момент ротмистр чувствовал себя отменно, даже глаза не беспокоили. Гейер тоже был доволен, жеребец желал драки не меньше всадника, злостью и азартом напоминая… Василия. Восточная кровь свирепа и неукротима, но как же она хороша под седлом!

Единое целое – конь, всадник и смертоносная сталь, и это целое неумолимо настигает жертву, легко, даже изящно уклоняясь от чужой пули или клинка, чтобы в свою очередь нанести верный удар. Что рядовой драгун, что ветеран-сержант, что молодой, безусый ещё офицер… они были храбры и хорошо обучены, но… удар, торжествующий визг Гейера, и очередной конь с опустевшим седлом уносится прочь.

– Сбор! – велит несносная труба. – Под штандарты!

Проклятье, всему хорошему обычно приходит конец. И гусарское приволье тоже закончилось – к угодившим в ловушку драгунам спешила подмога, и какая! Высокие красные гребни шлемов, блеск кирас… Отборная тяжёлая кавалерия, карабинеры – это *очень* серьёзно. И ещё драгуны, опомнились, умники, и теперь обходят, так и норовя захлестнуть тяжёлым крылом. Давайте, господа, давайте! У нас в этой игре отличные партнёры, так что мы тут сейчас разыграем новую партию, никуда вы от нас не денетесь! Как там говорил этот гвардеец восточных кровей: «Вместе есть веселей!» Сегодня у нас на обед французская кавалерия. Или наоборот…

* * *

Уже Ельшин с остатками первого батальона отправился выручать угреньцев. Уже Колочков сам привёл с полсотни человек заткнуть свежую прореху. Потом угреньцам и ла-

дожанам стало одинаково скверно, но остатки двух пехотных полков всё ещё держались у подножия Шляффхерде. Обескровленные, лишившиеся почти всех офицеров, измотанные, но держались. Орлов уже не считал, сколько раз ему пришлось самому вступать в схватку, и ничего, жив оставался. Пара царапин, разодранный мундир, сбитая пулей шляпа – судьба хранит, не иначе. Судьба и солдаты, берегущие командира пуще собственной жизни.

Справа, где-то там, за такими же жидкими порядками Угреньского полка, рубились кавалергарды. Из недр рукопашной кавалерию не разглядишь, трубы молчат, но раз французы до сих пор не обошли, не обскакали, не навалились своей конницей с тылу, значит, Васенька с Николой дерутся, и кто его знает, кому сейчас жарче.

– Передышку бы, – закопчённый, измазанный кровью Колочков хватает ртом воздух, – хоть коротенькую! Четверть часика бы!

– Подойдёт Арцаков, отдохнём.

Часы куда-то запропастились, а со временем сам чёрт ногу сломит вместе с рогами. Стрелки выпускают последние заряды, французы – не менее ладожан потрёпанные – даже не отвечают, быстро, почти бегом откатываясь назад и в сторону, открывая тех, кто идёт им на смену.

– Матерь ты Божия!

А что ещё скажешь при виде таких знакомых по книгам, по рассказам братьев высоких чёрных шапок с красными

султанами, густых батальонных колонн, их сплочённых, ровных рядов. Считай, всё! Минут через пять, под рокот барабанов, подойдут своим мерным шагом.

– Ты, мил-друг Аникита, кажется, хотел передышку?

– Хотел… Знать бы, достаточно мы тут времени выгадали?

– Достаточно, – соврал, не моргнув глазом, Сергий. – Я по часам заметил.

– Тогда хорошо. – Колочков, задрав голову, глядел на вершину Шляффхерде. – Надо же, а батарея-то ещё палит, не всю её, выходит, французы снесли.

– Ну, значит, и мы будем также – пока не снесут.

* * *

Вот оно! Внизу, сдавив и русских, и пруссаков в своих сокрушающих объятиях, наваливалась Гвардия, уж её-то золотые значки Арцаков помнил отлично, ей был обязан до сих пор ноющей раной, лазоревой Арсеньевской лентой и титулом князя Калужинского.

Именно Гвардия по воле своего императора наносит решающий удар, когда силы противника уже связаны и ослаблены. Именно Гвардия, когда всё повисает на волоске, идёт в огонь последним доводом великого Буонапарте. Так было и в 1810-м, и в 1812-м, так будет и теперь, уж в этом-то Пётр Иванович не сомневался, как и в том, что план Потрясате-

ля Эуроп ещё не сорван, но уже очевиден. Появление Гвардии здесь и сейчас не может быть случайным и объясняет всё. Именно Шляффхерде избран для рассекающего союзную армию победоносного удара, прочие были лишь демаршем, дабы Кронид Антонович и кайзер Мориц перебросили резервы на фланги, и ведь-таки перебросили!

Так что низкий поклон полковнику Орлову, его брату-генералу, то ли вырвавшему у великого князя согласие на атаку, то ли обошедшемуся без оного, спасибо превеликое и прусским гусарам, выручили, черти чёрные, и до сих пор выручают, а выигранное время бесценно. К Шляффхерде вот-вот подойдут посланные василевсом резервы, там и гвардейская конная артиллерия, и гренадеры. С ними, Арцаков был уверен в этом, и Гвардию Буонапартову можно остановить, а то и опрокинуть. Главное – продержаться до их подхода, а это трудно, очень. Но можно и нужно! Ты бросил своих ветеранов сюда, император, ну так я постараюсь, чтобы шанса нанести нам новый удар у тебя не было.

Всё, чем располагал сейчас князь Пётр Иванович, это успевшими подтянуться частями своего корпуса – пехотными полками Володимерским и Желынским да Закаменским егерским. Это не составило бы и полной дивизии, но промедление становилось смерти подобно, а единственным выходом оставалась контратака. Сколько их было в его жизни, Арцаков не помнил, но допускал, что эта может оказаться последней. Впрочем, подобные мелочи его никогда не зани-

мали.

– Княжевич!.. Денисов!..

Барабаны ударили тотчас. У Арцакова знали, как вступать в бой прямо с марша.

Тауберт услышал сигнал с редута: смотрел, стиснув кулаки, как уже почти в окружении рубятся однополчане, белые мундиры вперемешку с чёрными прусскими, а вокруг них – чужая синь. Решение пришло даже как-то и без мыслей – ноги сами понесли к знамени володимерцев, а рука схватилась за наконец дождавшийся дела палаш.

Один из адъютантов, вроде Княжевич, с несчастным лицом отдал честь князю и бросился к лошадям, и штабротмистр без колебаний занял освободившееся место. Пётр Иванович заметил, кивнул. Двенадцать лет назад при Калужино он вёл вперёд конницу, тогда это спасло армию, позволило свести битву вничью, а что сейчас?

– Господа, – Арцаков голоса не повысил, только обнажил шпагу – неуставную, старого образца, – говорить вам про долг, честь и славу отечества времени не имею. Вы чувствуете то же, что и я. Иначе в сей день и час немыслимо. Вперёд!

* * *

Вперёд, навстречу вражеским залпам, в клочья рвущей тела картечи и штыкам французских гвардейцев, и в мыслях не держащих, чтобы отступить. Вперёд!

Они ещё не знают, что эта их атака по большому счёту положит конец эпохе. И уж точно никто не может сказать, что Буонапарте ещё не самое страшное. Что со вторым и окончательным падением Потрясателя Эуроп на победителей отнюдь не снизойдёт многолетнее безмятежное счастье. Напротив.

Сколько подвигов осталось бы несвершёнными, знай свершившие их об идущих следом умниках-мародёрах? Или не изменилось бы ничего, и кровь за други своя всё равно была бы отдана, ибо для вставших на пути врага нет «завтра», а лишь сегодня.

Штаб-ротмистр Тауберт печатает шаг рядом со спускающимся по склону Арцаковым, на ходу прикидывая, как ловчей прикрыть князя собой. Ротмистр фон Шуленберг наспех перематывает видавшим виды платком окровавленную руку Василия. Бледный, как пороховой дым, русский смотрит на схватку пехоты и что-то шипит сквозь прокушенную губу. Полковник Орлов выдёргивает шпагу из тела синего гренадера с нашивками за русский поход и оборачивается к новому противнику. Его василеосское высочество великий князь Севастиан Кронидович облегчённо переводит дух – курьер от отца привёз приказ незамедлительно атаковать. Принц Иоганн снимает с шеи орденскую цепь и возлагает на плечи раненого фон Зероффа. Солнце стоит ещё высоко, но разглядеть его сквозь клубы порохового дыма не проще, чем будущее.

Глава 1
Анассеополь, столица Российской Державы 2 сентября 1849 года

Единственная здоровая основа великого государства есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дело, не касающееся её собственного интереса.
Отто-Эдуард-Леопольд фон Бисмарк-Шенхузен

Подражайте русским, для них нет ничего невозможного.
Карл XIV Юхан Бернадот

1. Дворцовая площадь

Сентябрь ещё не вспыхнул жёлтыми и багряными пламенами осенних листьев, но день выдался уже по-осеннему прохладным и хмурым. Дремотно застыла Ладога, великое озеро, вольно раскинувшееся на сотню вёрст; далеко отсюда до Новограда Великого, ещё дальше – до Володимера, старой

русской столицы. Окраина, когда-то – забытая глухомань.

Ныне же – там, где незримый меч разрубил озёрный берег, дав начало речному руслу, широкому и короткому, что соединяет Ладогу с Балтийским морем, – встал город. Строили не на гнилых болотах невской дельты, но на прочных каменных плечах древней земли; а морским кораблям нетрудно подняться по глубокой и медленной реке хоть бы и против течения. Наготове и бурлацкие артели, коли случится совсем уж противный ветер или какая ещё напасть.

Велик Анассеополь, вольно раскинулся он по красногранитным берегам Ладоги – скалы обтесали, превратив в широкие набережные, а оставшихся после этого плит хватило одеть камнем и невский исток.

В самом сердце города, перед Бережным дворцом василевсов, – просторная строгая площадь, вымощенная всё тем же красноватым гранитом. Её обняло крыльями летучих колоннад здание Генерального Штаба; в середине – колонна, увенчанная статуей преклонившего одно колено воина. Колонну возвёл василевс Кронид Антонович, отец нынешнего хозяина Державы, в честь отражения нашествия двунадесяти языков. Кронидов столп высится здесь уже три десятилетия, так что даже потомственные анассеопольцы не мыслят города без него. Сейчас колонну окружил плотный строй – пять сотен барабанщиков не сводят глаз с готового взмахнуть жезлом тамбурмажора.

По краю площади застыли прямоугольники гвардейских

полков, сверкающие золотом и серебром парадных мундиров; их роскошные шеренги перемежаются рядами более скромной армейской пехоты, стрелками отдельных штуцерных батальонов, артиллеристами, пионерами[3]… Стоят тут и всадники – во всём великолепии развернулись лейб-гвардии Конный и Кавалергардский полки, краса и гордость русской гвардии, кирасы горят на нежарком солнце – тучи собираются, собираются и всё никак не могут решиться вконец заслонить стремящееся к зениту светило.

На высоком крыльце, окружённые эскортом из роты дворцовых гренадер, – дипломаты, прибывшие в Анассеополь со всех краёв земли; были тут даже посланники заокеанских федератов с конфедератами, хотя, казалось бы, где Россия и где оные Америки? И по тому, кто возле кого стоит и кто с кем шепчется, можно с совершенной достоверностью воссоздать всю карту большой *realpolitik*.

Как всегда, рядом, чуть ли не под руку, послы английский и французский. Оно и понятно, их державы со второго и последнего падения великого Буонапарте неразлей-вода. На первый взгляд. Пихаются исподтишка локтями, но пихаются по поводам благородным, весьма понятным: тарифы, пошлины, колонии… Сие на публику не выносится, и французский посланник маркиз де Севра любезно кивает английскому коллеге лорду Грили. Как можно не соглашаться, когда речь заходит о смехотворных притязаниях русских встать

[3] Имеются в виду сапёрные части, инженерные войска.

вровень с просвещёнными и разумно управляемыми державами?!

Не позабывший обменяться изысканно-вежливыми поклонами и исполненными яда улыбками с французом пьемонтец избрал в собеседники подтянутого пруссака в золотом пенсне и его традиционных спутников – баварца и ливонца. С послом наполитанским вполне мирно, несмотря на совсем недавние распри, беседует весёлый, будто не в его стране никак не закончится очередная гражданская война, испанец. Австрияк граф фон Вертхофен-Майссль унд Литтиц собрал вокруг себя кучку германской мелочи, «нейтральные» – свей, швейцарец, голландец и дан – оживлённо, насколько позволяют национальные темпераменты, обсуждают русскую псовую охоту, важный осман счёл уместным присоединиться к высокому худому янки, а быстрый коренастый конфедерат словно в насмешку завладел вниманием изысканного персиянина.

И совершенно наособицу, не примыкая ни к тем, ни к этим, стоит посол сербский. Он, единственный из всех, носит не сюртук, не мундир своей страны, но форму русской службы. Положенной по уставу каской старый соратник Вука Кириаковича пренебрёг, и ладожский ветер треплет совершенно седую гриву волос. Его собственных – не парик и не накладку.

Послы негромко переговариваются, косясь на невозмутимых солдат в парадной форме. Усатые гренадеры молчат, а

дальше, за чугунной оградой, толпятся анассеопольцы всех сословий; висят на столбах и деревьях вездесущие мальчишки. Четверо господ в цилиндрах коротают ожидание за спором о высоких материях. Степенный купец посматривает на часы с массивной, червонного золота цепью, но не уходит – государев выезд не каждый день увидишь. Стайка семинаристов пытается пробиться поближе к решётке; серьёзный художник раскрыл альбом, делает торопливые наброски карандашом. Удивительно красивая женщина опирается на руку дурно скроенного молодого человека с чеканным профилем, на неё смотрят чуть ли не все оказавшиеся поблизости мужчины, а неизвестная напряжённо вглядывается в устье вливающейся в площадь улицы. Ждёт. Ждут все – обыватели, барабанщики, замершие в шеренгах войска, иностранные послы, а за Бережным дворцом, как тысячелетия назад, бьются в берега хрустальные ладожские волны.

* * *

Граф Александер фон Шуленберг, посол его величества кайзера Иоганна, любил Анассеополь, как бы странно ни звучало это для коллег по дипломатическому корпусу. Он никогда не открыл бы своё сердце пёстрому и яркому, невзирая на древность, Володимеру, но суровый и чёткий город на берегу великого озера пруссаку нравился, хоть он в том и не признавался. А вот свою неприязнь к Англии дипломат

скрывал со всё большим трудом, и тянулась та ненависть из-под Зульбурга.

Тогда с триумфом водворённый на трон очередным парижским переворотом Буонапарте вновь обнажил меч. Вынужденно, но загнанный волк много опасней вышедшего на охоту. Увы, французские Бурбоны и в самом деле ничему не научились; вернувшись, они принялись насаждать уже однажды стоившие им короны порядки, после чего взбунтовавшийся народ и призвал низложенного было императора. Замок Святого Ангела услужливо распахнул свои двери, запертый в нём демон вырвался на волю. Теперешний посол граф фон Шуленберг не отказался бы узнать, как подобное стало возможным, тогдашний гусарский ротмистр барон Александер и не думал удивляться – ведь это же Буонапарте!

Императору удалось оседлать революцию и даже направить её бег, но ни остановиться, ни сойти он не мог. Франция делалась опасной даже не вновь собранной армией, хотя недооценивать её было бы безумием. Главную угрозу несли Буонапартовы кодексы и дурной, но привлекательный для неокрепших умов пример. Война была неизбежна, и она вспыхнула. Поводом стало возвращение Империей Пьемонта.

Англия, Австрия, Испания и Пруссия объявили узурпатору войну, к ним присоединилась Саксония, но в западногерманских землях на Рейне и Дунае зрело недовольство, а в испанские колонии Буонапарте направил армию для под-

держки инсургентов. Ускользнув от британского флота, экспедиция успешно высадилась в Ла-Плате. Успех сопутствовал императору и в Европе, но лишь пока верный договору с Пруссией русский василевс не вступил в войну. Вопреки советам своего канцлера и патриарха.

Был заключён очередной Союз, но англичане не спешили переходить от газетных сражений к стали и пороху, а годы Реставрации не сделали Буонапарте худшим полководцем и французов – худшими солдатами. Подкреплённая русским корпусом австрийская армия была разбита, и Потрясатель Эуроп двинулся дальше. У Зульбурга его встретили главные силы пруссаков и русских. Был там и Александер фон Шуленберг.

Даже сейчас пруссак вспоминал зульбургское побоище с содроганием. У союзников был некоторый перевес в численности, у французов – энергия Буонапарте и лучшее управление армией. К полудню всё повисло на волоске: корпус князя Арцакова и два конных полка – прусские чёрные гусары и русские кавалергарды – приняли на себя главный удар, сшиблись с самой императорской Гвардией, однако выдержали. Такое не забывается, даже если на то есть приказ, и бывший ротмистр до сих пор видел во сне истоптанную траву, горы людских и конских трупов, разбитые орудия. К вечеру армии остались на исходных позициях, но Буонапарте всё же сдал… Или решил исправить давнюю ошибку. В 1812 году, после чудовищной битвы при Калужине, император, со-

чтя «обладание полем боя» за истинную победу, пошёл вперёд, на Володимер, проиграв не только войну, но и трон; теперь же с юга угрожали зашевелившиеся австрийцы, подпевалы из Рейнского союза становились ненадёжны, и Буонапарте начал отход к Рейну. Именно там его и застигла новость о высадке в Голландии англичан со своими.

Англо-свейско-голландская армия подошла к Парижу. Часть командиров резервных корпусов то ли изменила, то ли проявила преступную нераспорядительность, и столица пала. Взбешённый император передал командование единственному ни разу не предавшему его маршалу, велев удерживать линию Рейна до конца, а сам с Гвардией и частью кавалерии бросился отбивать столицу. Там, однако, уже сидело сформированное Сенатом правительство, которому один за другим присягали переметнувшиеся военачальники. К Буонапарте присоединились лишь несколько батальонов, и он был разбит.

Повторному плену император предпочёл смерть. Или не предпочёл… Слухи ходили противоречивые, но самозваные преемники Потрясателя Эуроп подписали сепаратный мир. Англия объявила себя победительницей и извлекла из своего положения все возможные преференции. В берлинских кабинетах этого если не простили, то учли в очередном роббере бесконечной политической игры, а вот рубившийся под Зульбургом ротмистр оказался злопамятней и нынешнего министра иностранных дел, и самого кайзера. Такова была

фамильная черта фон Шуленбергов. Бароны, а с недавних пор графы могли молчать годами, могли, посадив ненависть на украшающую родовой герб цепь, пожимать врагам руки и ждать своего часа. Граф Александер, из-за глазной болезни покинувший военную службу и вступивший на дипломатическое поприще, ждал, уверенно поднимаясь по карьерной лестнице, что в конце концов привела его на крыльцо дворца русских василевсов.

Коллеги-послы негромко переговаривались, косясь на невозмутимых солдат в парадной форме. Лорд Грили не удержался и принялся рассказывать прибывшему весной французу, как ужасно выстаивать анассеопольские парады зимой, причём на здешних двуногих медведях ничего, кроме обычных мундиров, нет. Француз смотрел кисло – в русской трагедии Великой Армии всё настойчивей обвиняли генерала Мороза.

Шуленберг поклонился и отошёл, будто бы разглядывая выстроившиеся войска – зрелище, милое сердцу любого пруссака, а над площадью реяли те же знамёна, что некогда рвал зульбургский ветер. Это настраивало на сентиментальный лад, что было и неуместно, и несвоевременно: сегодняшний, пришедшийся на двадцать вторую годовщину неудачного мятежа смотр вызвал в дипломатическом корпусе некоторую растерянность. Это могло быть как ответом василевса на высказанное Брюссельским концертом[4] насто-

[4] Совокупность дипломатических представительств великих держав, сформи-

ятельное пожелание воздержаться от вторжения на Балканы, так и предостережением недовольным, превратившим в идолов свободы убийц – да-да, именно убийц. Утром фон Шуленберг заехал в кирху – почтить память сражённого пулею смутьяна князя Арцакова. Его граф Александер почитал величайшим из героев Третьей Буонапартовой, что бы ни писали сейчас английские, французские и – это было особенно печально – прусские газеты.

* * *

Огромная площадь, тысячи солдат на ней, пёстрая толпа народа за строем гвардионцев – и всё это вдруг вздохнуло, ожило, хотя в вымуштрованных полках никто не шелохнулся.

Резко бросил жезл вниз тамбурмажор, и пять сотен барабанщиков грянули торжественную «Встречу». Им вторили конные трубачи, а в распахнувшихся дворцовых воротах появилась небольшая кавалькада.

Впереди всех, на белом аргамаке, уперев левую руку в бок, ехал высокий человек в тёмно-зелёном мундире лейб-гвардии Егерского полка, с одним-единственным Георгиевским крестом на груди. Государь-василевс Арсений Кронидович. На половину конского корпуса отставали двое кавалергардов

рованная для «поддержания всеобщего мира» после окончания Буонапартовых войн.

с палашами наголо; за ними – свита, небольшая, как и всегда, лишь пятеро самых доверенных и близких.

Сразу за василевсом следовал молодой майор Конного лейб-гвардии полка – две звёздочки на витом золотом эполете. И любой хотя бы раз видевший Арсения Кронидовича, взглянув на породистое, упрямое лицо высоченного конногвардейца, тотчас признал бы в нём наследника престола. Подобно отцу, великий князь Севастиан Арсениевич носил одну-единственную награду, и даже не офицерскую – солдатскую медаль «За храбрость». В комментариях к новому «The Royal Almanac» всезнающая лондонская «Дэйс» сдержанно сообщала, что русский наследный принц отличается таким же упрямством, несдержанностью и невосприимчивостью к доводам разума, как и его венценосный отец.

По правую руку от великого князя картинно сдерживал серого в яблоках жеребца военный министр Орлов. Любимец армии, женщин и фортуны, он, в отличие от владыки Державы и его старшего сына, сверкал многочисленными орденами. Таков был порядок, учреждённый ещё великой Софьей: члены правящей фамилии носят лишь награды, полученные за личный подвиг, никак не за «пребывание при штабе» хоть бы и победоносной армии. Свитским же ношение всех орденов было строго обязательным, и *этому* правилу Орлов следовал неукоснительно; впрочем, стань вдруг Сергий Григорьевич василевсом, число надеваемых на парад звёзд и крестов уменьшилось бы не слишком.

Свободно владеющий почти всеми европейскими языками Орлов в молодости долго жил в Англии и даже прослушал курсы экономики и философии, что не помешало ему отвергнуть рекомендации Брюссельского концерта о роспуске казачьих частей, признанных международным арбитражем игнорирующими законы и правила цивилизованной современной войны. Министр объявил, что готов разговаривать о русских казаках лишь после расформирования французского Иностранного легиона, частной армии английской Восточно-Индусской компании и наёмной германской дивизии генерала фон Пламмета. Именно тогда «Дэйс» с горечью констатировала, что образованный варвар остаётся варваром, но становится много опаснее.

Слева от наследника важно выступал вороной Василия Янгалычева, министра Двора и товарища василевса по детским играм. В юности бретёр и забияка, Василий Васильевич, вступив в должность, никогда и нигде не сказал ни слова сверх напечатанного в официальных формулярах; обожая пари, балы, застолья и дорогие вина, не выболтал ни единого секрета, и даже из его умолчаний ничего не удавалось извлечь.

Поравнявшись с «посольским» крыльцом, министр Двора приветствовал одного лишь серба. Тот улыбнулся в ответ, кланяясь, как предписывал этикет, однако улыбка предназначалась не придворному – другу: Янгалычев не раз гостил у Вука Кириаковича, когда тот был ещё жив, а перед

Валашской кампанией даже хаживал с сербскими четниками по османским тылам. Об этих экспедициях «Дэйс» в своё время тоже немало писала, в подробностях повествуя о леденящей душу славянской жестокости.

Рядом с Янгалычевым, сохраняя на лице приличествующую каменную маску, ехал командир Гвардейского корпуса граф Фома Гагарин, знаменитый тем, что, услышав эпиграмму про «вальсирующих на паркете» гвардейцев, настоял на том, чтобы вверенные ему полки в очередь проходили бы службу на Капказе, и отправился туда первым, поступившись старшинством и чином. Лазил на кручи Ведено, лично дрался на саблях с мюридами самого святого имама Газия – правда, в тот раз непримиримому ещё вождю воинов Пророка удалось ускользнуть.

Ну а сзади, на раз и навсегда определённом месте, рядом с молчаливыми кавалергардами конвоя, слегка покачивался в седле крепко сбитый человек, наводивший ужас чуть ли не на весь посольский корпус. Да что там посольский корпус! Этого всадника боялась вся Европа. Граф Николай Леопольдович Тауберт, шеф Жандармской стражи, «кровавый сатрап и душитель свобод», как именовали его при многих просвещённых дворах, не говоря уж о газетах. Светлые волосы, волевой подбородок, жёсткий и прямой взгляд – граф Тауберт шутить не любил. Его тайные агенты – не далее чем вчера напомнила своим читателям «Дэйс» – проникают повсюду, подслушивая, подсматривая, перлюстрируя. Лорд

Грили не удержался – покачал головой: вспомнил недавно высланного из русской столицы любознательного литератора. Автора вчерашней статьи. Разумеется, англичанин послал графу Тауберту наиприятнейшую и наилюбезнейшую улыбку. Всё шло как всегда – те же лица, в том же порядке. Не о чем отписывать начальству, строя замысловатые конструкции и спекуляции на тему тайной борьбы в окружении василевса. Вот если бы кто-то из всегдашних сподвижников василевса не появился в государевом выезде или поменялся бы с кем-то местами…

Послы и атташе переглядывались. Барабанщики всё ещё выбивали «Встречу», а народ, не скованный никакими уставами, во всю глотку кричал «ура!», да так, что с небес падали оглушённые галки. Большинству стоящих на дворцовом крыльце дипломатов делалось как-то не по себе, когда этот варварский клич сотрясал стены.

* * *

Восемь всадников медленно и торжественно выезжали на середину площади. Наконец они остановились, и барабанщики тотчас оборвали дробь.

Конные лейб-гвардейцы вскинули трубы, над гранитами пронеслось торжественное «Слушайте все!».

Всадник на белом аргамаке поднял правую руку. Тотчас стихли крики, охваченное колоннадами пространство слов-

но затопила тишина. Василевс медленно и неспешно развернул свиток, привстал в стременах, и над площадью разнёсся сильный низкий голос, слышимый во всех её углах, будто в древнем амфитеатре.

– Любезным верноподданным Нашим известно, какие притеснения испытывают с давних пор наши братья по вере, живущие в пределах Ливонских. Оказавшись под властью иноверных, всё, чего хотят братья наши, – это сохранить веру свою, в чём Мы всегда оказывали им всяческое содействие. Но содействие Наше оставалось мирным. Мы увещевали и просили, умаляя гордость Державы Нашей, ради того чтобы власти предержащие прекратили бы гонения на братьев наших по вере.

В течение многих лет Мы вели переговоры, дабы обеспечить достойное положение ливонских вернославных мирными путями. Но ни дипломатические настояния, ни долгие переговоры и конференции не привели ни к чему. Чувствуя за спиной враждебную России волю иных держав, герцог Ливонский почёл за лучшее ответить Нам пустыми отговорками, оставшись твёрд в зломерном устремлении своём и дальше чинить неоправданные обиды и притеснения братьям нашим.

Но превыше всего для Нас было сохранение крови и достояния Наших верноподданных: всё правление Наше стремились Мы избегать военной грозы, и, благодарение Господу, долгие годы для

Российской Державы сохранялось благословение мира. Не подъемля меча, стремились Мы оказать помощь тем, кто с последней надеждой взирал на восток, в сторону Престола Нашего.

Но настал час, когда Мы должны сказать, что миролюбие и терпение Наши исчерпаны до дна. Высокомерное упорство властей Ливонских вынуждает Нас приступить к действиям более решительным. Того требует честь и достоинство России и всего народа русского. Силой оружия предстоит доблестным войскам Нашим добиться того, чего не смогли Наши миролюбие и добронравие. Проникнутые убеждением правоты своего дела, Мы, в смиренном уповании на волю Всевышнего, сим объявляем верноподданным Нашим, что отдан приказ войскам Державы Российской встать у ливонских рубежей. Тем даём Мы последний шанс герцогу Ливонии одуматься и вернуться на путь, предначертанный для нас Всевышним, путь кротости и милосердия к тем, кто Его волею проживает под тем или иным скипетром.

Если же и это, последнее, предупреждение не окажет должного действия, то войска Наши получат приказ перейти границу, принудив власти Ливонские подписать Указ о Равноправии.

Дано в Анассеополе, сентября 2-го дня, лета от Рождества Христова 1849-го, царствования Нашего в

19-е.
Арсений.

Василевс аккуратно свернул свиток, не глядя, протянул назад наследнику. Командир гвардионцев подал коня вперёд:

– Парад, слушай мою команду!..

Вновь грянули барабанщики, и, словно испугавшись катящейся через весь Анассеополь раскатистой барабанной дроби, поспешно разошлись осмелевшие было в последние минуты тучки. Проглянуло солнце; Кронидов столп осветился с вершины до подножия, вспыхнула начищенная бронза коленопреклонённого воина на нём, и точно так же вспыхнули кирасы кавалергардов с конногвардейцами. Русские полки, поворачиваясь с немыслимой, на первый взгляд невозможной чёткостью, печатали шаг через площадь, вслед за проплывающими знамёнами.

Лорд Грили расправил плечи, глядя на марширующие шеренги с хорошо отрепетированным для подобного случая пренебрежительным прищуром. Мол, в шагистике-то вы хороши, спору нет, и с Буонапарте вам повезло, а вот если дойдёт до дела *сейчас*? Француз напряжённо разглядывал в лорнет неподвижную свиту василевса. Австрияк многозначительно улыбался – намекал, что именно этого-то он и ждал. Любопытный испанец, не скрываясь, любовался роскошным зрелищем – дела ливонские и даже прусские Толедо не задевали никоим образом. Осман возвёл глаза к северному небу

– благодарил своего Аллаха. Лицо серба бесстрастностью могло сравниться разве что с лицом персиянина и… графа фон Шуленберга.

Полки шли. Василевс, наследник, свита отдавали честь каждому проплывавшему мимо них знамени. Казалось бы, всем одинаково – однако, когда, возглавляемый огромным подполковником, двинулся стрелковый батальон, отличавшийся от прочих армейцев и даже гвардии блестящими штуцерами, василевс чуть заметно улыбнулся.

Это было его детище – созданные высочайшим повелением двенадцать лет назад отдельные батальоны, куда набирали охотников-добровольцев и платили им приличное жалованье. Штуцерные части далеко не во всём походили на обычные армейские. Сюда направляли отличившихся, лучших офицеров, кого раньше определили бы в гвардию или, на худой конец, в артиллерию. Давали свободу и командирам, учили не шагистике, а стрельбе и не жалели огневого припаса. Для них государь, не скупясь на расходы, заказал у американских федератов невиданные штуцера, заряжающиеся с казённой части[5]. Баловались такими богатые охот-

[5] Это отнюдь не выдумка авторов. Такие штуцера действительно существовали и состояли на вооружении некоторых стран, например Норвегии, – «kammerloder». Массовым оружием они не стали из-за исключительно высокой дороговизны и сложности в производстве. Принцип основан был на том, что короткая задняя часть ствола поднималась вверх, и заряжание осуществлялось в поднятое «короткое дуло» так же, как и в обычное дульнозарядное ружьё. После чего снаряжённый казённик опускался вровень с основной, длинной, частью ствола, прижимаемый к нему эксцентриком с рукоятью. Оружие требовало тща-

ники на крупного зверя, каждое ружьё стоило как десять обычных, министр финансов граф Юмин, говорят, кровавыми слезами плакал, чуть не на коленях умоляя василевса «не пускать на забавы достояние государственное», но дело того стоило. Мало того что били они на тысячу двести шагов и опытный стрелок выпускал в минуту чуть ли не десяток пуль, их можно было заряжать лёжа, не стоя во весь рост под вражеским огнём.

Затею государя не приняли очень и очень многие. Что ж такое?! Пехота «приучится только стрелять, не станет давить штыком», «где столько патронов взять да как их в бою пополнить?», а если «пулям кланяться да на брюхе перед ними ползать», то что сотворится с духом воинским? Герой Калужина и Зульбурга князь Булашевич от расстройства аж в отставку подал. Отставку министр Орлов принял без возражений, а штуцера были закуплены даже в бóльшем, чем изначально предполагалось, количестве. Василевс уступил

тельной и кропотливой обработки поверхностей, точной пригонки деталей для исключения прорыва пороховых газов между стволом и подъёмным казёнником. Такие штуцера существовали с конца XVIII века (винтовка Фергюсона), усовершенствованный вариант – штуцер Холла – состоял на вооружении армии США с 1819 года. Норвежский «kammerloder» был принят на вооружение с 1842 года. Для тех, кто интересуется, «как же такое оружие работало в действительности», авторы могут порекомендовать видео: www.youtube.com/watch?v=OvRzIYyn_bc. Следует учесть, что показаны «полигонные» условия, в бою в казённик зачастую просто помещался целиком бумажный патрон. Бумага пропитывалась нитратом калия для лучшего сгорания. Эти ружья действительно обеспечивали очень высокую по тем временам скорострельность.

лишь в одном: оплатил весь заказ не по военной статье, а существенно урезав содержание Двора. Остряки потом года три шутили, что фрейлинам придётся штопать чулки, словно коллежским асессоршам.

Конечно, много таких батальонов быть не могло. Смогли создать всего девять, семь по числу постоянных армейских корпусов и два для Капказа.

И Югорский батальон, формально именуясь «2-м отдельным стрелковым», слыл лучшей штуцерной частью русской армии. Частью, куда сам государь наведывался на учения, да не с парадными прохождениями, а с долгой пальбой в цель.

Шагали шеренги, музыканты начали новый марш, и граф фон Шуленберг нервно протёр золочёное пенсне. Играли «Славу Зульбурга», и у пожившего, повидавшего многое, очень многое дипломата сжимались зубы и каменели скулы, хотя, говоря по чести, прусскому послу сейчас следовало не тонуть в прошлом, а спорить с будущим.

Хорошо идут… не идеально, но хорошо, с душой, с охоткой. И штуцера… В прусской армии стрелков много, его величество Иоганн пристально следит за армиями и оружием; а вот кроется что-то в этих разноростых жилистых русских, охотниках в бог весть каком поколении.

Югорцы прошли, уступив место лейб-гвардии Ивановскому полку. Светило солнце, ряды солдат отбрасывали короткие полуденные тени. Щурились от ярких лучей потрясённые дипломаты – вечером их ждал особый приём у василев-

са, а потом – спешное составление, шифрование и передача донесений. Каков пассаж, господа, каков пассаж! Эта Россия почти готова бросить свой меч на чашу ливонских весов – зачем?! И чем это обернётся? Чем ответят европейские кабинеты и прежде всего Пруссия, под защитой которой и состоит означенная Ливония, ценная разве что своими салачными приисками да географическим положением, удобным для вторжения в русские пределы?

2. Ресторация Танти

Огромного подполковника, во главе югорских стрелков дефилировавшего через Дворцовую площадь под пристальным взглядом василевса, звали Григорий Сажнев.

Похожий на медведя, с мощной нижней челюстью и глубоко посаженными тёмными глазами под выдавшимися далеко вперёд надбровными дугами, Сажнев играючи ломал подковы и скручивал в трубочку медные пятаки. Мог и пару гвоздей завязать узлом. Батальонные умельцы, что строили подполковнику сапоги, с гордостью клялись, что второй такой ноги – «медвежьей лапы» – не видали.

Уроженец вятской глухомани, подполковник с равной уверенностью чувствовал себя в бою, на марше и на биваке, но «столицы» недолюбливал. К оным же командир югорцев причислял не только Анассеополь, но и все города, где от нечего делать фланируют по улицам, разъезжают по балам да театрам и сидят по новомодным ресторациям. То, что путь Сажнева лежал именно в ресторацию Танти, что на углу Большой Гвардионской и Барабанного переулка, настроения отнюдь не улучшало.

На Ладожской першпективе Григорию бывать доводилось не так чтобы часто, и не сказать, что он так уж желал бы видеть её и впредь. Подполковник хмуро взрезал столичную толпу, изрядную часть которой составляли чиновники в зе-

лёных вицмундирах. Давно закончился парад, шёл четвёртый час пополудни, и югорец уже опаздывал на встречу, назначенную полковником Росским, нынешним командиром полка гвардейских гренадер и товарищем по Капказу, одним из немногих анассеопольских знакомцев.

Сдружившись на Зелёной линии, когда гренадеры и стрелки не выходили из стычек и боёв, Сажнев и Росский по возвращении в Россию ещё не встречались. Подполковник со своей югрой не вылезал с батальонного стрельбища да из приладожских лесов, Росский же оставался в кругу службы и семьи – последней Григорий так и не обзавёлся. Разумеется, Сажнев не пытался возобновить дружбу с гвардионцем, которому оказывал протекцию сам военный министр; в конце концов Росский разыскал югорца сам, передав с памятным по капказской Зелёной линии денщиком Фаддеем приглашение отобедать. Сажнев, не подумавши, брякнул, что будет, о чём сейчас истово жалел, неуклонно пробиваясь к неприятной цели. Гвардионская улица полностью оправдывала своё название, и, ловя на себе любопытные взгляды золотопогонных поручиков, подполковник всё больше мрачнел, что немало усиливало его сходство с медведем. Затея была глупой с самого начала. Будь Фёдор Сигизмундович в расположении вспомнить их товарищество, пригласил бы Сажнева в дом, познакомил с семейством, а тут… Вроде как городовому на праздник водки в сени вынести.

– Ваше высокоблагородие! – Денщик Росского Фаддей,

лёгок на помине, выскочил из изукрашенной двумя пузатыми вазами арки, как чёртик из табакерки. – Григорий Пантелеич! Так-от и знал, что с разгону проскочите… Тут это. Во дворе, значит…

– Тут? – Югорец уставился на вазы, как на подлежащий штурму горный аул.

– Так точно, – охотно подтвердил денщик. – Офицеры гвардиёнские, из пехоты которые, тут завсегда кушают, а напротив и наискосок – ресторация Борелли, там всё больше кавалергарды с конногвардейцами. Вы уж, Григорий Пантелеич, не обессудьте, что не на квартире принимаем. Вовсе худо у Фёдор Сигизмундыча с супругой… Как отказался к Сергию свет-Григорьичу в министерству пойти, так и худо.

Сажнев кивнул, на душе сразу потеплело. Что такое «худо» в доме, он помнил отлично, спасибо, отчим сбагрил пасынка в кадетский корпус учиться на казённый кошт, и дважды спасибо чиновнику-мздоимцу, загнавшему не имевшего ни денег, ни протекции прапорщика на Капказ заместо купеческого сынка Пивоедова. В гарнизоне Григорий от тоски взбесился бы, на Капказе он к тридцати годам выбился в подполковники. На Капказе он обрёл «своих» югорцев!

– Сюда, барин. Сейчас вас проведут, человек то есть проведёт… Нам-от, нижним чинам, в ресторации ходу нет, а вам – в кибинеты…

«Человек» – вертлявый малый, которого так и тянуло взять за шиворот и потрясти, – увлёк подполковника за со-

бой в слитный, приглушённый гул, откуда, будто рыба из озера, выплёскивались то заглушённые коврами шаги прислуги, то звон серебра, то хлопок вылетающей из горлышка пробки и возбуждённые голоса.

– Ваше высокоблагородие, прошу покорнейше. – Вертлявый распахнул дверь, и навстречу Сажневу с тёмно-красного дивана поднялся офицер в мундире гвардейских гренадер. Высокий и плечистый, с мягким, обманчиво спокойным и даже вроде как не очень волевым лицом, Фёдор Росский был не из тех, на кого сразу обратишь внимание. И не из тех, кого забудешь.

– Давненько не виделись, друг мой! – Росский шагнул вперёд, они обнялись. – Хоть бы весточку подал. Кабы не Колочков из министерства, я бы до парада и не узнал, что югра здесь. Я-то думал, ты всё по капказским линиям, злых горцев гоняешь…

– Гонял, Фёдор Сигизмундович, – усмехнулся Сажнев, понимая, каким вышел бы дураком, не придя и оттолкнув друга. – Гонял до самого Камиль-бекова безобразия. А уж после него – да, прогуляться довелось…

– Наслышан, как же, – кивнул гвардионец. – Жаркое дело было, Григорий Пантелеевич?

– Жаркое, – эхом откликнулся югорец. Рука сама ухватила стопку – запить жуткие воспоминания: когда они вошли в станицу, где полтора дня хозяйничал сиятельный Камиль-бек, на пороге осквернённой церкви их ждал с издева-

тельской аккуратностью выложенный, в явную насмешку над христианским, крест: слой бутового камня, слой связанных, притиснутых друг ко другу детей, от младенчиков до трёх-четырёхлетних малышей, и сверху снова камень.

Замерли тогда солдаты – замерли сперва, а потом все разом, голыми руками да тесаками бросились рушить проклятое каменное зло. Кто-то крикнул, чтобы тащили шанцевый инструмент, но не успели даже приволочь кирки, стрелки кровавили ладони, срывая с места ненавистные валуны.

Мёртв. Мертва. Мертва. Мёртв…

Дышала только одна девчоночка, её только и удалось спасти.

Банду Камиль-бека после того выслеживали почти полгода, наконец загнали в ущелье, и… Сажнев не успел тогда остановить разбушевавшихся солдат, да и, будем откровенны, не захотел останавливать. Если знатного пленника отослать в Анассеополь, он ведь вывернется, гад, в раскаяние с благородством сыграет, а василевс, глядишь, вместо того чтобы повесить ирода, отправит в ссылку, куда-нибудь под Желынь, ещё и пенсион, как тому имаму Газию, назначит… Нет, уж лучше так, как они тогда. Надолго запомнят горы, как вопил сиятельный бек вместе с верными мюридами, откуда голос только взялся.

– …Поймали, значит, сиятельного, – неожиданно зло ухмыльнулся Росский, дослушав повесть Сажнева. – И поступили с ним соответственно?

– Соответственно. – Югорец сжал пудовый кулак. – Сам знаешь, Фёдор, по-иному они не понимают.

Росский кивнул.

– Знаю, да только одними только штыками да пулями всё равно не получится.

– Получится! – хищно оскалился югорец. – Небось при батюшке Алексее Петровиче тихо сидели, нос из гор боялись высунуть. Государь милостив, тоже решил, что всё, больше не полезут, научены. Тут-то и началось…

Да, началось. Две вырезанные казачьи станицы. И, как говорили шёпотом, не без предательства кого-то из штабных.

– За Большую Авксеньтьевскую да Сухопадскую мы сполна отплатили. – Сажнев даже кулаком пристукнул. – Надолго запомнят.

– Они – пожалуй, а мы… Вот возьмёт какой-нибудь… – Росский сделал паузу, явно кого-то вспомнив, – на Капказ за мерзости сосланный, сочинит слезливую историйку, как последних детей вольности обижают, и в толстых журналах напечатает. Дамы же цветами завалят. Ах, смелость какая! Ах, как они *интересны*!

– Смелость… – только отмахнулся Сажнев. – Из-за чашки с кофием. Нет, Фёдор Сигизмундович, моё правило простое. Коль в доме зиндан да полон – то хозяина дома вздёрнуть, а сам дом взорвать. Война ведь, не институт благородных девиц.

Росский вздохнул. И впрямь война, и нет иного средства,

кроме первобытной жестокости, единственного языка, что понимают на Капказе. Потому что иначе – набеги, набеги, набеги, ямы с пленниками, рабские рынки Персии и Османии и растерзанные тела станишников да насаженные на колья детишки.

– Эх, оставим сие, Григорий Пантелеевич. Мы с тобой солдаты, а и то не по себе становится. Ты уж прости меня. Это я, чарки тебе выпить не дав, расспрашивать принялся. О другом давай потолкуем…

– Можно и о другом, – легко согласился подполковник. – Верно говоришь, давненько не виделись. Дочки-то как? Уже, поди, почти что невесты?

– Спасибо, Григорий Пантелеевич, слава богу, все здоровы, – отозвался Росский, но как-то механически, явно думая уже о чём-то другом. – Дочки растут, да. – Он вдруг улыбнулся. – Но за тебя, медведь, всё равно не выдам, даже и не думай!

– Куда уж мне, – подхватил Сажнев. – Мы, вятские да югорские, вежества анассеопольского не знаем. Расскажи лучше, Фёдор Сигизмундович, про себя. Говорят, в «министерству» тебя брали…

– Говорят… – Росский усмехнулся. – Говорит… Ну, Фаддей! Тёпленька водичка во рту не удержится! Да, звал меня князь Орлов парой к полковнику Колочкову, тот-то с Сергием Григорьевичем в дружбе с младых ногтей, честен предельно, но как до Зульбурга едину книжку начал, так до сих

пор и не одолел. Сергий Григорьевич его, само собой, не оставит, но докладчик ему нужен. Чтоб и по-немецки, и по-английски, и чертежи прочесть, и смету проверить…

– А ты не пошёл, – с довольным видом напомнил Сажнев. Они уже пропускали по второй рюмке, заедая вкусными грибами со сметаной и прочими закусками а-ля рюс, которые Танти не только не отвергал, но всячески совершенствовал.

– Не пошёл. Теперь вот нет-нет да и пожалею.

– Супруга?

– И это выболтал? Вот ведь! Нет, Григорий Пантелеевич, не из-за Софьи, хоть она и впрямь победы паркетные превыше воинских ставит. Помнишь, как мы с тобой на Зелёной линии начальство с уставами да воров-интендантов понужали?

– Ещё бы! – Сажнев с сомнением глянул на нечто похожее на маленькие уши и решительно вернулся к грибкам.

– А ведь уставы к нам не с небес валятся. Те, кто пишет их, зачастую дальше Хотчины носа не кажут или, как Булашевич с Колочковым, позавчерашним днём живут, над Буонапарте победами. Сергий Григорьевич бьётся как рыба об лёд, но не разорваться ему. Хочешь, я тебя рассмешу?

– Попробуй.

– Взял Орлов на пробу по протекции младшего Горяинова. Все науки превзошёл, старательный, аккуратный, только буонапартист, да такой, что зайца уткой запишет, лишь бы интерес своего кумира соблюсти, а кумир-то, как назло, на-

резное оружие не одобрял.

– Надо же! – удивился Сажнев, имевший о Потрясателе Эуроп, в отличие от своих штуцеров, весьма смутное представление.

– Ну, в этом-то как раз беды особой нет. – Росский с удовольствием занялся отвергнутыми товарищем «ушками». – Все ошибаются. Протяни Буонапарте подольше, разобрался бы, а в те поры да с его-то верой в генеральные сражения штуцера и впрямь баловством могли показаться. Не в нём дело – в Горяинове. Ну не мог он признать, что божество его ошибалось, вот и пустился во все тяжкие. Дескать, недосуг Буонапарте было, война мешала. Ему в ответ, что англичанам с австрийцами она не меньше мешала.

– А он что?

– Что французы с их южным темпераментом не могут точно в цель бить, так что не ошибка это, а понимание характера национального. Ну, развеселил я тебя?

– Обхохочешься. Может, и стоило тебе к министру идти, глядишь, Софья Януарьевна бы помягчела.

– Надо было. Только уж больно не хотелось балканскую кампанию пропускать, а теперь, похоже, ей вовсе не бывать. И это, боюсь, ещё не самое скверное…

Отворилась дверь, внесли горячее. Росский, задумчиво пощипывая хлеб, ждал, когда уйдут лакеи, и лицо полковника больше не казалось мягким. Сажнев помнил этот его взгляд. Даргэ, приснопамятный горный аул, югорцам выпало

брать его с гренадерами Росского.

Никто не пытается спастись. Дороги перехвачены, вокруг аула – поля. Казалось бы, может скрыться конный, мало ли тайных троп в окрестных горах! – но отовсюду, с севера, с запада, с востока, всё громче и громче канонада, яростно лают русские горные пушки, в клочья разнося преграды.

Дорога расширяется, идёт под уклон. Конные мюриды, оторвавшись от русской пехоты, торопятся к окраинам аула, где уже готовятся закрыть старые ворота; Даргэ окружает невысокая стена, и там сейчас черным-черно от народа. Защищаться готовится и стар и млад.

– Фёдор Сигизмундович! Цел?

– Что ж мне сделается, Григорий, – ухмыляется Росский.

– Саблю-то окровянил…

– Пришлось. Уж больно мюрид горячий попался. С простреленной грудью прямо на меня так и лез. Пришлось… охолодить.

Охолодить, да. Снести голову – школа рубки лейб-гвардии Кавалергардского полка, откуда майором ушёл Росский к гвардейским гренадерам, она не забывается.

– На твою долю, Григорий Пантелеевич, тоже хватит.

Хватило…

– О чём задумался, Григорий? – Наваждение прошло. Они, живые, оба, сидят перед ломящимся столом, и грудь

Росского прикрывает салфетка. Свою Сажнев развернуть не удосужился. – О чём?

– Даргэ, – бросил югорец, глядя в красную, крови б видно не было, стену кабинета.

– Я то́ же вспоминал… Разговор наш. Ты ещё докладывать мне пытался…

– А ты… Ты сказал, что не на Капказе, сколько б крови нашей он ни выпил, судьбы отечества решаться будут.

3. Бережной дворец

Сергий Григорьевич Орлов потёр вечно ноющий при капризной погоде висок и негромко – военный министр не любил крика – сказал:

– Тогда ставка была поменьше.

Полноватый Тауберт лишь согласно вздохнул в ответ. Сатрап и солдафон понимали друг друга с полувзгляда, и это тоже было кавалергардское братство. Всё началось с рискованных выходок и дуэлей, похождений «безусых корнетов», затем была Третья Буонапартова, когда юная зависть к дышавшим «грозой двенадцатого года» отцам и братьям в одночасье сменилась извечным солдатским «выстоять!». На зульбургских редутах горела земля, и молодой Тауберт, до боли стиснув эфес, шагал рядом с князем Арцаковым прямо на штыки Буонапартовой Гвардии, которая, как известно, умирает, но не сдаётся. Туда, где уже дрался полковник Орлов, Орлуша, бывший товарищ по полку и, как думалось под французской картечью, друг до могилы, далёкой ли, близкой ли… Этим, похоже, и кончится, хотя сперва судьба швырнула товарищей к барьеру.

Русак Орлов, побывав в заграницах, загорелся желанием перемен, остзеец Тауберт перемен тоже хотел, но высочайшей волею, а потом в Анассеополе полыхнуло, да так, что лишь Господь да ключарь Его пресветлый ведают, чем бы

оно кончилось, не открой тогда ещё подполковник Тауберт огонь по мятежным войскам. Никто не знал, что за залпом сим стояла не верность присяге и дому Алдасьевых-Серебряных и даже не немецкая неприязнь к революциям и мятежам, а чувства, в коих Николаю Леопольдовичу ныне отказывали как в вольнодумных салонах, так и в собственном его ведомстве.

За отсутствием командира князя Шигорина Тауберт привёл тогда Китежградский конноегерский полк на Дворцовую площадь и ждал приказов, а тот, кому надлежало отдать их, фельдмаршал князь Арцаков, пытался образумить мятежников. Не офицеров, солдат – Пётр Иванович их знал и любил, ведь в угрюмом строю стояли и те, кто прошёл все Буонапартовы кампании. И ведь почти отговорил, но в него выстрелили. В князя Петра! В человека, рядом с коим Никола Тауберт, печатая шаг, шёл в безумную атаку, за которого десять раз умер бы любой русский солдат, а эти…

Немецкая выдержка и дисциплина отказали, и подполковник, подскакав к растерявшейся конной батарее, ледяным голосом – он, как и Орлов, не умел кричать, выходя из себя, – велел открыть огонь. Артиллерийский поручик, сам не зная, в кого хочет и хочет ли вообще стрелять, замялся и, отброшенный лошадиной грудью, ткнулся в красный ещё не от крови гранит. Тауберт повторил приказ. Солдаты растерянно смотрели на шеренги мятежников, таких же русских, как они сами; но офицеров холодная ярость кавалериста в

чувство привела.

Пушки выстрелили. Вразнобой, но промазать по замершим на площади полкам было невозможно. Залп словно пробудил если не нового василевса, то его брата Арсения. Стоянию пришёл конец – схватка возле Кронидова столпа вышла страшной, ладожские граниты умылись русской кровью, хотя по-настоящему виновных был от силы десяток. Когда всё кончилось, Тауберт, не приняв ордена за «верность и решимость», подал рапорт о переводе на Капказ. Вступивший на престол под картечные залпы Севастиан Кронидович просьбу удовлетворил, но и в чине повысил. Полковник Тауберт три лета не видел анассеопольских проспектов. Потом его вернули едва ли не силой, вручив командование лейбгвардии Конным полком, вечным соперником родного Кавалергардского, и было сие уже при Арсении Кронидовиче.

Василевс Севастиан, старший из трёх сыновей победителя Буонапарте, власти не любил, чтобы не сказать – боялся. Он отказался бежать, когда вспыхнул мятеж; но на том силы его и кончились. Требовалось выкорчёвывать крамолу, хватать, швырять в арестантские возки сыновей знатных родов, со связями, знакомствами, богатством. Тягота выносить приговоры, глядеть в глаза рыдающим, падающим перед ним на колени жёнам с матерями оказалась государю не по плечу, и, отмучившись на престоле три года, бездетный Севастиан Второй отрёкся в пользу среднего брата. Удалившийся от дел василевс не успел насладиться покоем, тишиной да

любимой ружейной охотой. Его настигла холера в злой год валашской резни…

С Орловым поднятый прежде задуманного мятеж сыграл свою шутку. Прямо под Зульбургом произведённый в генерал-майоры, князь по уши увяз в заговоре, проявив в том все свойства своей деятельной и резкой натуры. Подпись Орлова красовалась не только на Конституционных Кондициях, но и на проекте манифеста, требующего отречения государя. Мало того, Орлов взял на себя переговоры с Капказским корпусом, где служило немало его приятелей. Мятежники ждали рождественской поездки государя в Володимер Великий, где и намеревались вырвать отречение. Жизнь рассудила по-своему: никогда ничем не болевший Кронид в одночасье скончался на исходе лета в Анассеополе, где доставало заговорщиков, но не случилось никого, способного стать русским Буонапарте.

Мятеж в столице захлебнулся, едва начавшись, ну так и во Франции полыхнувшее поначалу в Париже пламя удалось сбить – смута во всём своём ужасном блеске поднялась в Марселе. В России же кровавой колыбелью стал бы – вместо Анассеополя – лежащий на границе бывших лешских земель Червенец, где квартировала бригада Орлова. Князь по праву слыл вольнодумцем и сорвиголовой, но на сей раз его схватил за горло разум. Казалось бы, чего легче, взбунтовать бригаду, готовую за своего командира в огонь и воду, поднять лешские части – «за нашу и вашу свободу!» – и вперёд,

на Варчевию.

Прошлые лешские восстания погубило дробление сил, при отменной храбрости инсургентов – отсутствие дисциплины и организации. Прошедший Третью Буонапартову Орлов хорошо усвоил уроки великого француза – собрать силы в кулак, атаковать стремительно и всей массой, обрушиваясь на слабое место неприятеля. Молодой генерал смог бы взять польскую столицу, к нему, русскому, пошли бы не только лехи, но и простой люд от Червенца до Угрени и Киева. Сергий видел, что, выбирая мятеж, он либо недосчитается головы, либо с венской помощью станет новым Радживоллом. Удачливым. Признанным и обласканным Европой. Опираясь на австрийскую дипломатию и французские капиталы, вполне можно было отъединить царство Лешское от России, оказавшись – чем чёрт не шутит! – если не королём его, то первым консулом. Для начала под австрийским протекторатом, ну да лиха беда начало! Можно было, однако случилось противоположное. Орлов не только не выступил сам, но и удержал от мятежа два стоящих по соседству лешских полка. Он желал перемен, но не крови, соглашаясь на заговор вплоть до насильственного отречения василевса, но не на гражданскую войну. Сергий не хотел, однако весть о смерти Кронида упала факелом в пороховой погреб. Царство Лешское вскипело кровью; отравленные семена, щедро посеянные ещё при великой Софье, дали страшный урожай. Князь Орлов в это время был уже в равелине, хотя легко мог

бы сбежать ко столь любезным его разуму аглицким умникам-экономам. У него имелись и средства, и имя, но герой Зульбурга выбрал крепость и, как думалось тогда всем, плаху.

Единственное, что сделал Сергий Григорьевич, так это сжёг бумаги, компрометирующие не его – тех, о ком никто другой не знал. Замешанные капказцы так и остались тайной. Князь признал – нет, не вину, своё участие, подтвердив показания заговорщиков, как анассеопольских, так и малороссских, но лишь подтвердив. Ни единого нового имени, ни единого слова раскаяния. Он был уверен в своей правоте, в том, что нынешняя Россия катится к гибели, и он же считал, что братоубийственная война эту гибель лишь приблизит. Не все его товарищи были столь же упорны, многие каялись, а то и объявляли себя безвинными жертвами чужой злой воли. Позже, перечтя дела арестованных мятежников, Тауберт немало поразился нелепости показаний и небреженью следователей, но это было потом. Тогда произведённого перепуганными соратниками в главнейшие злодеи Орлова осудили по высшему разряду, и помилования он не попросил. Тем не менее его не казнили.

Говорили, что спасла кровь. Дескать, василевс из дома Алдасьевых-Серебряных не рискнул казнить такого же Киевича[6], как и сам он, сына, брата, зятя, племянника видней-

---

[6] Потомок легендарного князя **Кия**, основателя первого русского государства. Помимо правящей династии Алдасьевых-Серебряных, к Киевичам отно-

ших сановников, столпов Державы. Тауберт думал иначе: Севастиан не смог переступить Зульбург, и потому Орлов отправился в крепость. Спустя четыре года его вернули. В кабинет нового василевса вошёл кандальник с выправкой кавалергарда, вышел товарищ военного министра[7]. Ох и разговор это был, разговор, памятный четверым – государю, Тауберту, Орлову и Васеньке Янгалычеву, новому министру Двора. Сперва Орлов сказал «нет». Сперва государь пообещал сгноить мерзавца даже не в равелине – в Закаменских рудниках. Сперва Васенька Янгалычев закрыл лицо простреленной под Зульбургом рукой. Повисла неподъёмная тишина, а потом кто-то – немец Тауберт – произнёс слова «радение Отечеству» и зачитал некогда сказанное на допросе мятежником Орловым, после чего бросил на стол рапорт лейб-медика о состоянии здоровья военного министра, семидесятилетнего князя Варчевского, протоколы Брюссельского концерта и старую докладную записку генерал-майора Орлова, уцелевшую в недрах военного департамента.

Они сдались не сразу – Арсений Кронидович и Сергий Григорьевич, но сдались. Васенька любил повторять, что, не поседей он в Валахии, поседел бы в те разы, но насколько же с османами было легче.

С тех пор разговор этот для троих друзей стал мерилом

сят: Волохонских, Долгополых, Древецких, Котениных, Коротких, Мицких, Орловых-Забецких, Орловых, Солонецких, Чемисовых, Черницких.

[7] Государственная должность в Российской Державе, соответствующая первому заместителю министра.

тяжести. «Тогда было хуже», – утешали друг друга министр Двора, шеф Жандармской стражи и военный министр. Сегодня сие утешение не годилось. Сегодня они были не вместе – Васенька рвался спасать единоверцев и, что греха таить, казать зубы обнаглевшим Эуропам. Николай Леопольдович считал горестный вопль чухонских вернославных слишком уж своевременным – не для России, для всё тех же Эуроп. Что до Орлова, князь отговаривался делами военными. Не готовы, дескать, да и балканским славянам будущей весной помощь обещана, не разорваться. И про то напомнили, что, как бы ни утесняли на землях ливонских единоверцев, до резни не доходило и не дойдёт, а вот равнинным болгарам без сербов, а сербам без России – конец. И вроде согласился василевс ждать, а минуло два дня, и вот он, Манифест! Громом средь ясного неба, не громом – первым выстрелом новой северной войны. Ненужной и несвоевременной.

Николай Леопольдович достал любимую табакерку, задумчиво тронул лаковую крышку и убрал назад. Часы в углу пробили пять раз. Статный чернобровый Автандил – преданный и давний слуга государев – распахнул дверь. Немец и русский быстро переглянулись. Тауберт осенил себя крестным знамением, Орлов свольнодумничал, обошёлся без этого. Вошли.

* * *

Знакомый и привычный кабинет, два окна выходят на ладожскую вольную ширь. Добротная, но без всякой вычурности мебель – просторный рабочий стол с жёстким деревянным креслом, высокая спинка украшена «русской троицей» – Сирином, Алконостом и Гамаюном. На столе расстелена огромная карта Ливонии, стоят бронзовые фигурки пехотинцев и всадников, изображающие полки и дивизии, придвинутые к границам.

По стенам возле стола – маленькие овальные портреты василиссы и детей в разные годы, чуть дальше – русские и италийские пейзажи, их государь покупает у художников, возвращающихся из оплаченных Академией изящных искусств путешествий. Диван с мягкой прямой спинкой, над ним огромная карта Европы. Ещё дальше – ряды книжных полок, за ширмой – узкая походная кровать, на ней василевс частенько остаётся ночевать, заработавшись за полночь. Бюст отца, великого Кронида Антоновича, напротив – портрет Буонапарте в обличье бога войны.

Об этом портрете рассказывали, что в 1813 году, когда вершился мирный договор, василевс Кронид всячески старался оградить разбитого императора от вящих унижений, взамен упирая на торговые льготы и открытия «русских гостиных дворов» в Париже и департаментах. После церемо-

нии, покидая Версаль, Буонапарте сам подошёл к василевсу, уже готовившемуся к отъезду в русское посольство.

– Благодарю вас, государь и брат мой, – по легенде сказал Потрясатель Эуроп. – Хотел бы, расставаясь с вами, вручить вот сего Марса. Пусть он напоминает вам, что самые непримиримые враги могут сделаться самыми верными друзьями.

Кронид Маркович немедля отдарился собственным портретом, коий Буонапарте взял с собой в заключение.

Сказка была б хороша, если б спустя одиннадцать лет русские и французы не сошлись вновь в смертельной схватке. Что до портрета, то Николай Леопольдович особого сходства с императором не замечал. Марс и Марс – в шлеме, с мечом, с крылатой Славой за спиной. Только вот, где ни встань, в глаза смотрит, ну да этот фокус художникам давно ведом. Хоть бог, хоть император может веками тянуть вперёд указующий перст, никого он со своего холста ни к чему не принудит и ни в чём не ошибётся. Это удел живых.

Государь василевс застыл у стола, слегка расставив ноги. Ждал. Ждал взрыва, ссоры, спора. Орлов и Тауберт замерли по стойке «смирно».

– Ну? – начал Арсений Кронидович, не садясь и не приглашая сесть. – Явились, так говорите.

– Так сказано ж всё, – сверкнул глазами Орлов. – И нам с этим сказанным отныне жить, а солдатам вскорости умирать.

Не с того начал князь. Совсем не с того. Часы после парада ушли на то, чтобы отыскать в гранитной кладке августей-

шей уверенности щель, и, казалось, нашли её. Должен был Сергий начать с урезки средств на Балканский корпус за-ради корпуса Ливонского, а Никола Леопольдович, улучив момент, поведать о пришедшем из Ыстанбула донесении про закупленные Портой бельгийские штуцера, но Орлов засбоил, словно не было тех восемнадцати лет. Словно всё стало как тогда и сшиблись средь молчащих портретов две воли – высочайшая, коей ничто не может противиться в государстве Российском, и воля человека, уже некогда рискнувшего честью, свободой и жизнью во имя того, чтобы не единым росчерком монаршего пера решалось, быть ли войне.

– Это ошибка, государь, – твёрдо сказал Сергий Григорьевич.

Тауберт опустил глаза и стиснул зубы. Выручили только немецкая выдержка с немецкой же невозмутимостью.

– Говори, говори. – Василевс скрестил руки на груди, глядя в глаза военному министру.

– Армия не готова к войне всеевропейской, – продолжал нарываться князь Сергий.

– А не твоего ли ведомства дело, дабы всегда готова была? В любой момент? – перешёл в наступление государь. Ничего иного ему не оставалось.

Тут бы гордо бросить что-нибудь об отставке и умыть руки, но Сергий никогда не бегал ни от опасности, ни от ответственности.

– Ко всеобщей войне европейской, государь, – Орлов не

опускал взгляда, – нет, не готова. К ней мы и не готовились, иные враги имелись. С Третьей Буонапартовой и после польского нестроения на западе всё тихо оставалось. Мы же воевали с персиянами да османами. Дипломатия, не штык, хранила наши владения.

– А другие, значит, готовы? Ливонцы? Немцы? Французы?

– Поодиночке – нет, государь. А вместе могут и решиться.

– «Готовы к войне» и «решатся на войну» – разные вещи, князь Сергий.

– Штуцерные батальоны… – начал Орлов, но Арсения было уже не остановить.

– Сколько уж лет одно от тебя только и слышу, князь, – реформы! Перемены! Старое-негодное отринуть, новое-хорошее принять! Сколько уж можно-то?! Пора бы и честь знать, господин военный министр!

Орлов сдержанно поклонился.

– Ваше василеосское величество, большое дело затеяно, а большие дела скоро не делаются. Что могли сделать быстро, то сделано. В кадетских корпусах отбою нет от прошений зачислить. Бессмыслицу убрали, новые наставления просты и понятны. Офицерские школы теперь при каждом армейском корпусе. Артельные хозяйства с приварочными деньгами заменили, от казны идёт строгая поставка. Изношенные ружья смазать как следует – и в арсеналы, новые делаем. Старую, неудобную форму меняем по срокам выноса. Простите, го-

сударь, военный министр – он порой как скряга-купец, всё железками да тряпками занимается. Совсем не героическое дело, да только армия без них воевать не сможет. – Князь перевёл дух. – И в остальном… Гвардия не плац-парадирует, а в свою очередь на Капказе воюет, порох нюхает. В линейных полках прежде огнеприпасы на сторону продавали, ленясь стрелковые смотры устраивать, а теперь, как стали за такое эполеты снимать да подальше от столиц отправлять, дело наладилось. По артиллерийской части…

Василевс поднял руку.

– Знаю. Всё знаю, князь Сергий. Что за должность не держишься, правду в глаза говоришь. Что за дело болеешь, как никто другой, что копейки казённой к рукам у тебя не прилипло. За то и ценю тебя. Только зубы мне не заговаривай. «Армия не готова!» – передразнил василевс. – Или я на смотрах не бываю? Или сам на Капказе не служил, за Дунай не ходил, крест вот этот зря ношу?

Тауберт кашлянул.

– Что тебе, Николай Леопольдович? – недовольно остановился государь.

– Князь Сергий Григорьевич про то толкует, ваше величество, что ввязываться нам сейчас в европейскую войну не с руки. Реформы начаты, идут со всем поспешанием возможным, но так, чтобы и не ломать бы всё до основания.

– Знаю, знаю, – поморщился Арсений Кронидович. – Пока не будет пришита последняя пуговица к мундиру послед-

него капрала, как говорят в этом твоём Альбионе, армия у военного министра к войне ну никак не может быть готова.

– Ваше величество, – «альбионскую» шпильку англоман в отставке Орлов заметить нужным не счёл, – Ливония состоит под прусским протекторатом. Вступление войск наших…

– Оставь, князь! – махнул рукой василевс. – Что они нам сделают? Великий Буонапарте – не нынешним карлам чета! – дважды пытался, да ничего не вышло. Один портрет и остался… Пруссаки нам по гроб жизни обязаны, да и с Веной сейчас не в ладу, австриякам же наша дружба после унгарского мятежа ох как нужна! Значит, не стакнутся, не сговорятся. Франция далеко, да и второго Буонапарте там не наблюдается. Англия? Эти привыкли чужими руками воевать, а кто на сей раз станет? Брат же мой Иоганн в одиночку нам не враг. Кто его родителя от того же Буонапарте трижды спасал, а? Кто в восемьсот десятом семью кайзерскую в Хотчине приютил?

– Вот того-то он нам и не простил, – пробормотал князь Сергий, но расслышал его только Тауберт, – и не простит.

– Даже не пикнут! – пристукнул кулаком по расстеленной карте Арсений Кронидович. – Проглотят. Как с Валахией. Уж как кричали, как кричали! А чем кончилось?.. Как мы сказали, так и вышло! Давеча мы Европу слушали, а теперь хватит. Их пора нас слушать настала. Те земли нашими были, князья володимерские крепости закладывали, с местных дань-выход брали, уж после татарского лихолетья всё поте-

ряли! Да и государь Кронид Васильевич, великий василевс, назад бы у орденов землю копьём взял, кабы лехи со свеями не вмешались… Сколько мы с тем же послом ливонским сиживали, сколько разговоров говорили, а воз и ныне там. Указа о равноправии как не было, так и нет, в торговых делах требуют свидетельства латинского епископа о добронравии, к тому же…

Тауберт переглянулся с Орловым. Василевс оседлал любимого конька и говорить об этом мог очень долго.

– Ваше величество, – не стал дожидаться военный министр. – Всё равно сил, сосредотачиваемых для производства сей демонстрации, сугубо недостаточно. Один армейский корпус, а наступать ему, в случае надобности, по одной-единственной дороге, что почти сразу в Анксальтскую гряду упирается!

– А как же надо, князь? – выпрямился василевс.

– Потребно самое меньшее два полнокровных корпуса, – непреклонно сказал Орлов. – И наступать с запада и юга, как в своё время Кронид Васильевич, Млавенбург – в те поры Млавенец лешский – обратно взявший. Не только Второй армейский, но ещё и Четвёртый, в Менске располагающийся. Второму корпусу придать Девятнадцатую пехотную дивизию, из Седьмого армейского взяв; Четвёртому – Двадцать вторую. А также…

– Опомнитесь, князь! – Василевс перешёл на «вы». Плохой признак. – Два *усиленных* корпуса! Десять дивизий, еже-

ли с кавалерийскими считать! Да мы против османов меньше выставляли! В Закапказье крепости одной бригадой берут! А тут против нескольких биргерских рот – десять дивизий! То-то Эуропа посмеётся, то-то порадуется! Ай да русский медведь, как же он маленькой-то Ливонии боится, у коей и армии-то своей, считай, нет, ополчение да милиция по образцу федератов американских…

– У них протекторат прусский, – вступил Тауберт. – Две дивизии, в Млавенбурге и в Ревеле…

– Не станет брат Иоганн рисковать, – непреклонно отрезал василевс. – Что штык наш не затупился, то Унгария всем показала. Не нужно никаких двух корпусов. Хватит вам и Второго! Девятнадцатую дивизию, раз уж так настаиваете, дам. И гвардионцев, – добавил он вдруг со щедростью. – Гренадерский полк полковника Росского пусть сходит, а то с Капказа давно уж вернулись, застоялись. Пусть хоть по Млавенбургу промаршируют при всём параде, только не будет того… Струсят ливонцы, сунутся к пруссакам, а те отмолвятся, дескать, то дело внутреннее, его в Млавенбурге решать надобно. Вот и будет нам к Рождеству Указ о равноправии, а по весне – Балканы. Довольны ли вы теперь, господа?

– Ваше величество, – деревянным голосом сказал Тауберт. Рядом со всесильным шефом жандармов стоял, вскинув голову, военный министр, бледный и злой. – Два корпуса или один, десять дивизий или четыре, с гвардионцами или без оных, не о том речь. Европа нам в загривок вцепится,

только порадуется. Манифест, ваше величество…

– Назад взят быть не может, – ледяным тоном отозвался василевс, выпятив челюсть.

Эх, друг Сергий Григорьевич, что ж ты так… не по условленному, не по договорённому…

– Ваше величество, – словно услыхал мысли Тауберта Орлов. – Пусть Европа смеётся сколько угодно, мы сами посмеёмся, и ежели сапоги во Млавенском заливе вымоем, и ежели на млавском берегу в сочельник разговеемся. Но потребно два корпуса, а не один, а коли один, то не Шаховского на него ставить…

…Они не слышали друг друга и не слушали. Раздражённый, не сомневающийся в правоте своей Арсений Кронидович и не просивший, но прямо-таки подставлявшийся под отставку военный министр. А потом Николай Леопольдович, улучив момент, таки положил на стол донесение из Ыстанбула и сухим, будничным голосом произнёс:

– По разумению моему, для успешного проведения балканской кампании…

Глава 2
Анассеополь
2 сентября 1849 года

1. Посольство королевства Пруссия

Александер фон Шуленберг стоял у окна и смотрел на залитый солнцем внутренний дворик – небесные тучи к вечеру полностью рассеялись, словно в издёвку уступив место тучам политическим. Внизу кичились зрелой роскошью ухоженные георгины, за спиной мерно тикали часы; когда пробьёт четверть восьмого, и ни минутой раньше, посол его величества покинет личные апартаменты и, приняв из рук лакея положенные по протоколу архаичную шляпу с перьями и шпагу, спустится к украшенной гербами карете. Дипломат не мог видеть похожих на рыцарские мечи стрелок, но, от природы наделённый отменным чувством времени, знал – в его распоряжении почти час; тем не менее Шуленберг был полностью готов. Требующие полного сосредоточения сборы помогли обладателю второго по значимости, сразу после лондонского, поста в иерархии прусских посланников привести в порядок мысли, изрядно спутанные русским демаршем.

Глупость, непростительную и роковую, совершил василевс Арсений, но за этой глупостью, как и за глупостями, совершаемыми кайзером, угадывался ум. Чужой, расчётливый, равно враждебный как пруссакам, так и русским. Заботливо и умело посеянные зубы дракона стремительно прорастали, побеги готовились вот-вот расцвести, и Шуленберг не представлял, как оборвать наливающиеся будущей кровью бутоны.

Ещё утром граф Александер был почти спокоен – обращение вернославных чухонских общин, хоть и легло на стол василевсу, казалось, останется без последствий. Ливонского посла даже не вызвали к канцлеру, и Шуленберг укрепился во мнении, что горестный вопль не достиг цели. Всесильный граф Тауберт, чьи не столь уж и дальние предки владели в нынешних ливонских землях неплохими угодьями, не мог не объяснить своему василевсу, что стенающие челобитчики если кому и молятся, то дающему золото лично им, и что это за золото – марки ли, фунты или рубли, – для них без разницы.

Да, после неприятных, хоть и не столь серьёзных, как в Унгарии и Богемии, волнений ливонский герцог попросил помощи Берлина и получил её. Да, после того как млавенбургский и ревельский мятежи успешно подавили, местные власти принялись выказывать подданным свою силу. Среди прочих досталось и вернославным общинам, но ничего сверхординарного не случилось, как говорится, «кровью улицы

не залили». Более того, утеснённые возопили чуть ли не два года спустя после начала утеснений. Как раз тогда, когда Балканский поход русских стал делом ближайшего будущего.

Шуленберг с нетерпением ждал весенней кампании, полагая, что восточная война отвлечёт Россию от растущей западной, если говорить осторожно, бестактности. Сегодняшний парад – ровно в годовщину мятежа, а в подобных делах совпадений не случается – пруссак объяснял желаньем Анассеополя показать Европе, что внутренней смуты Россия не страшится; но потом Василий Янгалычев, перечеркнув Зульбург, приветствовал одного лишь серба, и дипломат понял – что-то грядёт. «Что-то…» Манифест, от которого до войны ближе, чем до георгинов в посольском дворике!

Ливонское дело прямо-таки разило провокацией, но чьей? Османы в последнее время изрядно поумнели и, если у них там не полный кабак, не могли не понимать, что на кону вся их европейская часть, возможно, вплоть до Ыстанбула. Не в один присест, но стоит только вслед за Валахией и Сербией потерять Болгарию, дальше всё покатится само. Для венцев, как и для французов, Балканы – вопрос не жизни, но кошелька, а для Британии? Только ли «Videant consules, ne quid Res Publica detrimenti capiat»[8], или на кону нечто бóльшее?

Есть философские школы, полагающие, что слово мате-

---

[8] «Пусть консулы позаботятся, чтобы Республика не понесла никакого ущерба» (*лат.*).

риально, но, возможно, материальна и мысль. О лорде Грили доложили ровно в тот миг, когда фон Шуленберг подсчитывал, сколько же вытащенных из огня чужими руками каштанов проглотила владычица морей после падения Буонапарте.

Прибывшего с негаданным визитом английского паука пруссак не терпел, однако изменить ничего не мог. Только тронуть перед зеркалом безупречный мундир с орденами, из которых дороже всех был единственный военный – за Зульбург, и выйти к англичанину.

Слегка лысеющий, что было единственным его видимым недостатком, лорд приветствовал коллегу со всей возможной для дипломата сердечностью. Его безмерно, просто безмерно поразил манифест. Нет, не только поразил, но и возмутил до крайности, до недопустимого нарушения протокола. Лорд просто не мог не посетить прусское посольство, не мог не изъявить всемерное сочувствие и поддержку перед тем, как…

Тут Шуленбергу захотелось спросить, кто, по мнению уважаемого коллеги, заплатил чухонским старшинам. Не спросил, выразил сдержанную благодарность и пригласил в гостиную. До отъезда оставалось двадцать пять минут лицемерия.

Подали кофе, шартрез, только что доставленные курьерским судном фрукты. Лорд Грили изящно поблагодарил. Из вежливости и уважения к хозяину дома англичанин говорил на немецком, которым, как всегда с известным неудоволь-

ствием отмечал Шуленберг, владел в совершенстве.

– Итак, – после очередного залпа ритуальных фраз гость отставил бокал, изящно, но отнюдь не манерно изогнув кисть, – русский медведь решил-таки показать свою силу. Очень, очень недальновидное решение, не так ли, любезный друг?

– О да, – кивнул означенный «друг». Зачем лысый лорд заявился перед самым приёмом, понятно – удостовериться, что «ярость берлинской стороны» достаточна, чтобы русские и пруссаки вцепились друг другу в глотки посередь ливонских болот. – Разумеется, я приложу все силы, дабы честь и достоинство моего кайзера, равно как и государства Прусского, не потерпели бы никакого урона.

Каждый слышит то, что хочет слышать; англичанину несомненно здесь почудится призыв к войне, подтверждение того, что Пруссия готова отстаивать свои позиции на Балтике до конца и тоже силой оружия.

«Так тебе, пожиратель овсянки», – злорадно подумал пруссак. Как говаривал в неминистерские свои времена ротмистр Василий Янгалычев, «по сусалам» тебя, «по сусалам».

– Не сомневался ни минуты, что вы, дорогой граф, думаете именно так, – поклонился Грили. – Со своей же стороны я могу – разумеется, совершенно конфиденциально – уверить вас в полной поддержке Ливонии и Пруссии английским кабинетом. Мы непреклонно стоим на страже законности и права и не позволим… – он сделал выразительную па-

узу, как бы подбирая менее резкие слова, чем просились на язык изначально, – полуазиатским властителям навязывать свою волю даже самым слабым европейским странам.

– Может ли мой кайзер рассчитывать на прямую помощь английского кабинета, если дело дойдёт до военных действий? – в упор спросил фон Шуленберг. Очень, очень недипломатично, но повертись, повертись на крючке, пескарь английский. – Правительство её величества Анны не связано с Россией никакими договорами, в отличие от Пруссии или той же Австрии.

– Можете не сомневаться, – лорд Грили нагнулся вперёд с самой любезной улыбкой, – что кабинет её величества будет всячески содействовать…

– Дорогой мой лорд, – поморщился прусский посол. – Мы с вами тут одни, а я, как вам несомненно известно, отставной гусар и не кривлю душой сверх необходимого. Не сомневаюсь, что прусский кабинет не оставит без последствий сегодняшний манифест императора России. – Фон Шуленбергу показалось правильным назвать хозяина Державы западным, римским, титулом. – Возможны осложнения. Анассеополь даже в мирное время держит под ружьём миллион человек…

– Кабинет её величества вполне разделяет ваши опасения, – горячо подхватил Грили. – Как вам известно, британский флот уже оказывает содействие, скажем так, в предоставлении ливонскому герцогу возможности защитить свои пределы, и это лишь начало. Необходим новый общеевро-

пейский союз, подобный тому, что положил конец преступлениям Буонапарте, и, разумеется, всемерная поддержка наших друзей здесь, в российской столице.

Лицо пруссака не дрогнуло, на нём по-прежнему отражалось лишь вежливое, искреннее внимание к словам собеседника.

Вот оно! Вот зачем ты пришёл. Не реакция берлинского кабинета тебя волнует – о ней есть кому доложить в Форин Офис с самой Кайзерштрассе, – а «поддержка наших друзей» тут, в Анассеополе. Как бы граф Шуленберг ни ненавидел английскую дипломатию, он не мог не восхищаться ею. Свести русских заговорщиков с послом страны, и так стоящей на пороге войны с Россией, и ждать, когда агенты Тауберта об этом проведают, или… не ждать. Вот за эту депешу на Кайзерштрассе его действительно поблагодарят.

– Если мы дадим им понять, что они не одни, – медленно, не сводя глаз с фон Шуленберга, говорил лорд Грили, – если мы сумеем вдохнуть в них ту же смелость, те же идеи, что, скажем так, одушевляли в молодые годы князя Орлова, тогда – главу сентябрьского комплота[9], мы поможем не только несчастной Ливонии, но всей Европе и даже России…

Догадка, что манифест для британца стал не меньшей неожиданностью, чем для пруссака, была молниеносной и чёткой. Будь иначе, пресловутые «друзья» уже столкнулись бы с прусскими дипломатами на каком-нибудь частном ве-

[9] **Комплот** (*фр.* complot, от *лат.* complicare – свёртывать, опутывать). Заговор.

чере. Нет, Грили ничего заранее не знал, а узнав, засуетился и… ошибся, невольно выдав свою неосведомлённость. Значит, Вена? Или…

Пруссак, не скрываясь, посмотрел на часы.

– Князь Орлов изменил своим юношеским убеждениям, – напомнил он собеседнику. – Предлагаю продолжить нашу беседу в карете; в противном случае мы рискуем опоздать.

2. Бережной дворец

Большой Кронидовский чертог сверкал множеством огней. Обычно здесь собирались для торжественных выходов, дипломатические же приёмы проходили в тронном зале, изредка – в любимом великой Софьей Арсеньевском покое, но сейчас послов провели именно сюда, и наверняка со значением – стены знаменитейшего зала русской державы украшало трофейное оружие, а к потолку были подвешены пленённые вражеские знамёна.

Были тут штандарты французские, Великой Армии, имелись и добуонапартовых времён. Нашлось место свейским, разномастным немецким, венским, унгарским, неаполитанским, пьемонтским, османским, персиянским и с невесть каких времён сбережённым в арсеналах орденским, старолешским и ордынским. Не хватало разве что английских да гишпанских.

Да, и двадцать пять лет назад, и сорок, и двести сорок русские полки торжествовали победу, с непонятным ни христианнейшей Европе, ни кровожадной Порте презрением к смерти ломая хребты лучшим армиям. Это было неправильно. Унизительно. Непонятно. Казалось, среди слишком малочисленной для столь огромного помещения кучки послов бродят унылые, возмущённые тени потерпевших фиаско, вплетая в хоть и нервический, но светский разговор свои

стенания.

Сколько стараний. Сколько денег. Сколько увёрток и хитростей, коварства и ловкости, сколько надежд… ах, да что говорить. И всё зря, зря, зря!.. Ордена, Ливонский да Тевтонский, лехи, свеи, сам великий Буонапарте, сколько было нас – блистательных, отважных, умных, уверенных в себе, но русский зверь раз за разом оказывался сильней и нашего креста, и нашего меча. И вот уже четыре десятилетия к западу от лешских пределов не находится никого, кто вновь дерзнул бы всерьёз попробовать, так ли до сих пор остёр знаменитый русский штык, когда сражается среди родных берёз…

Граф фон Шуленберг зябко поёжился. Василевс не экономит на дровах, до настоящих холодов ещё далеко, отчего ж здесь пробирает, словно под осенним ветром? Неужели дело в знамёнах? Но ведь это обычное дело. В Старом Свете не сыщешь державы, к которой не приходили бы с визитом вооружённые соседи, в том числе и по сговору. У всех бывали и победы, и поражения, все кичатся трофеями, всем тяжко видеть свидетельства своих неудач. Оснований выделять Россию нет никаких, и уж тем более нет причин бояться этого зала, скорее уж… Пруссак смотрел на стяги с чёрными крестами и алерионами, и всплывала мысль – а ведь можно устроить обмен, как меняются пленными после окончания войны. Отдать русским их оказавшиеся в немецких руках знамёна, пусть и давние, времён незадачливого мужа великой Софьи; а взамен вернуть в Берлин эти штандарты. Тяжело им тут

висеть, среди собратьев по поражениям и неудачам…

…Наверное, слуги приоткрыли в этот миг спрятанные в стенах заслонки, выпуская волну тёплого воздуха. Стяги колыхнулись; чёрный орёл, словно живой, пошевелил крыльями.

Крылось что-то в этом зале, торжественном, но не вычурном. Неясный, смутный шёпот на самом пределе, что способно различить ухо, – кровь так шумит, что ли?

Берегис-с-сь, берегис-с-сь, слышится пруссаку. Коллеги, посольский корпус, застыли, точно окаменев; и кто это там скользит меж ними, в простом тёмном мундире, без орденов, без эполет? Лица не различить…

Шуленберг резко повернулся.

Никого. Никого нет меж американским федератом и наполитанцем, да и стоят собратья-дипломаты плотно, только что не плечом к плечу, не протиснешься.

Эх, господин посол, господин посол, подводят тебя глаза даже и тут теперь, с горечью подумал фон Шуленберг. Доктора говорят – от нервического напряжения такое тоже проистечь может, надо не слишком усердствовать да помнить о собственном благополучии. Тот же синьор Лигвори, наполитанец помянутый, лоснится и сверкает, прям-таки светится довольством и благополучием. А всё почему? Да потому, что думает исключительно о том, как бы побольше вин с родных наполитанских виноградников продать анассеопольским рестораторам, а до прочего ему и дела нет…

Пламя свечей дрожало и дробилось в бесчисленных бриллиантах, осыпавших вычурные ордена на самого разного кроя мундирах и эфесы парадных шпаг. Согласно протоколу, иностранные дипломаты стояли справа от выхода, с левой же стороны располагались русские – высшие чины Двора и министры.

Ждали Арсения Кронидовича, тихо переговаривались с соседями, искоса поглядывая на пустующий трон, наполовину покрытый василеосской мантией, подбитой не европейским горностаем, но русскими соболями. Те, кому доводилось бывать в Кронидовом зале прежде, объясняли, что и трон, и возвышения по обе стороны его появились недавно. Очень может быть, что нынешней ночью. Несведущие со значением кивали. Обсуждать то, что только и было по-настоящему важным, не позволяли приличия, и почтенные дипломаты натужно сравнивали достоинства недавно открывшейся в Анассеополе наполитанской кофейни с уже давно устроенными да пересказывали последние известия, принесённые из европейских столиц стремительным телеграфом и доставленные срочною почтой из ливонского Ревеля. Василевс запаздывал, что совершенно на него не походило. Это могло означать как намеренный вызов, так и отыгрыш назад, которого в этом зале не желал никто, кроме Шуленберга и серба, в упор с прищуром смотревшего на разряженного, будто рождественское дерево, османского посланника.

Как и на площади, старый Досифей Балшич стоял наосо-

бицу – на груди у него в ряд выстроились три бело-золотых неброских креста, солдатские «Егории», от третьего класса до высшего первого[10]; удостоившихся собрать полный прибор сего ордена можно было пересчитать по пальцам двух рук. Других наград седой четник не надел, зато на боку его висела пожалованная самим «Чёрным Вуком» богатая сабля, османская, немало попившая османской же крови. Пусть видят послы держав европейских, пусть напомнят своему Брюссельскому концерту: хоть сербов самих по себе – две телеги, османских голов они навалят четыре. И василевс пусть видит: не изменят сербы единоверным русским, готовы к совместному броску на помощь болгарам и дальше, хоть бы и к самому Ыстанбулу. Бывшему Царьграду.

Послы чувствовали густую, замешенную на крови ненависть соратника Кириаковичей, ненависть, которую не могли заглушить никакие церемониалы и протоколы. И, более того, не желал глушить её серб сегодня, когда меж нынешней осенью и казавшейся неотвратимой Балканской войной

[10] Авторы и их консультанты знают, что звук в вакууме не распространяется; они также знают, что в нашей реальности орден Святого Георгия имел четыре степени, Наполеон окончил свои дни на острове Св. Елены, анабазис изначально есть отступление десяти тысяч греческих наёмников из Персии, в русской армии середины XIX века не было ни одного «армейского» корпуса, надёжные кабели для подводного телеграфа появились лишь в конце 1850-х годов, величайшая русская правительница была немкой по рождению, а император Николай Павлович – совсем другим человеком. Авторы надеются, что читатели признают эти и прочие «вольности» естественной частью истории описываемого мира, тем более что это так и есть.

вклинился Ливонский афронт василевса.

«Османа увидишь – убей».

Просто и понятно. По-другому выживать горные сербы не умели и уметь не желали.

Впрочем, точно так же думали о сербах и османы-поселенцы, волею султана осаженные на пограничных землях.

Дворцовые гренадеры в полной парадной форме, стоявшие по обе стороны высоких дверей, отбили «На караул!», когда ожидание стало нестерпимым. Железный голос церемониймейстера провозгласил:

– Его василеосское величество, государь Всероссийский!..

Далее следовало пышное и длинное титулование, оставшееся ещё со времён владычного Володимера, собиравшего вокруг себя разрозненные русские княжества. Послы переглянулись – хозяин Державы ни на йоту не отступил от ненавистного ему церемониала, но какую картину сегодня поместят в вычурную старинную раму?

Арсений Кронидович не забыл ничего. Впереди василевса в мундире Егерского лейб-гвардии полка и василиссы в «русском» платье со шлейфом несли регалии: знамя и – на белых бархатных подушках – печать, скипетр, державу и корону. Их сопровождали кавалергарды с обнажёнными палашами. Справа и на шаг позади его величества следовал министр Двора, за ним «друг другу в затылок – почётное дежурство: один генерал-адъютант, один свитский генерал и один

флигель-адъютант», и только потом – попарно наследник Севастиан Арсеньевич с супругой, его младшие братья Антон и Никита и далее великие князья «по близости к трону, по порядку престолонаследия».

Послы склонились, приняв предписанные протоколом позы и подметая полы вышедшими из моды ещё до Буонапарте, но потребными по церемониалу перьями шляп. Осман с превеликой торжественностью снял с наголо бритой головы огромный тюрбан.

Государь и василисса остановились посреди зала, выжидая, пока на особые табуреты по обеим сторонам трона не возложат регалии. Василисса и высочайшие особы двинулись мимо Арсения Кронидовича; василевс остался стоять, пока его супруга не заняла своего места. Затем мерными шагами проследовал к подножию трона, но на этом соответствие церемониалу и окончилось. Сын победителя двунадесяти языков не стал ни подниматься по ступеням, ни усаживаться, ни принимать из рук министра Двора загодя написанную тронную речь. И уж тем более он не стал ничего зачитывать. Обернулся к замершим дипломатам, нехорошо сощурившись и скрестив руки на достойной молотобойца груди.

– Господа посланники… – Хрипловатый голос наполнил пространство зала, и Шуленберг отчего-то очень ясно представил себе российского государя ещё совсем молодым, поднимающим в атаку заколебавшийся полк, угодивший в засаду на Зелёной линии, за что он и получил из рук отца-ва-

силевса «Георгия» третьего класса, единственную награду, которую носил всегда и везде. – Господа посланники, я собрал вас здесь, дабы донесли вы до своих монархов и правительств неуклонную решимость Державы Российской защитить – в том числе и силою оружия – права и привилегии единоверцев наших, попираемые ливонскими властями предержащими.

Дипломаты внимали с похвальным, истинно дипломатичным вниманием. Наклон голов, сложение рук, элегантная простота поз – но, боже упаси, безо всякого вызова! Мысленно добрая дюжина их превосходительств уже скрипела перьями, оформляя срочное дополнение к дневным депешам.

– И потому требую, дабы вы, господа, донесли бы до представляемых вами дворов и кабинетов сие: решимость Державы Российской безгранична. На сей раз не позволим мы правому делу утонуть в бессмысленных словопрениях на брюссельских паркетах. Свобода единоверцев наших исповедовать исконный их обряд – не предмет для торга. Господин государственный канцлер точнее ответит вам, сколько чернил да бумаги с сургучом извели мы на бесплодную переписку с Млавенбургом! – Василевс перевёл дух, тяжёлый, разящий, словно палица, взгляд упёрся в прусского посланника. Граф Александер фон Шуленберг только скрипнул зубами, сумев, однако, удержать маску бесстрастного и вежливого внимания к монаршей речи. Он лично не раз и не два слал в Берлин депеши, советуя двору прислушаться к начи-

навшему злиться русскому медведю и не дразнить его понапрасну, тем более что иные из тех требований удовлетворялись несколькими росчерками пера. По отдельности всё было устранимо и решаемо, вместе же означало войну, теперь уже, похоже, неотвратимую.

– …однако безо всякого результата! – гремел василевс. – Господин государственный канцлер с удовольствием поговорит с вами, господа послы, о тех поистине смехотворных «ответах», кои мы принуждены были читать, ответах, последовавших из Млавенбурга! Не желаю и не буду толковать о них здесь и сейчас, скажу лишь, что удовлетворено не было ни одно из справедливых, весьма умеренных и обоснованных требований наших…

Ливонский посланник откровенно сник, американский федерат же, напротив, встрепенулся, смотря с жёстким и хищным прищуром, – почуял войну, а значит, и прибыль, с невольной неприязнью подумал пруссак. Бельгийцы, вняв голосу «разума» в лице английских резидентов, в своё время отказали в поставке уже заказанных штуцеров, но бывшая английская же колония блюдёт только свою выгоду. Яблочко от яблоньки…

– Требования наши, – продолжал тем временем василевс, – были, как мы уже сказали, весьма умеренны и никак не оскорбительны для ливонских властей. Велю господину государственному канцлеру перечислить их вкратце, дабы вы, господа послы, вновь убедились бы в умеренности при-

тязаний Российской Державы.

Василевс замолчал, какое-то время вглядывался – нет, не во внимательные лица, в словно бы осенявшие дипломатов пленные знамёна, затем чётко, будто на параде, повернулся, и выход последовал тем же порядком, разве что без предношения регалий.

3. Берег Ладоги. Посольство королевства Пруссия

После приёма граф Александер велел кучеру ехать вдоль набережной и за Военным министерством остановиться. Смеркалось; над застывшей Ладогой, обещая ветер, дрожала недобрая алая полоса. Посол спустился по пологой лестнице к самой воде и долго стоял, всей душой отдавшись глупейшей мысли о том, сколь хорошо было бы, если б Ливония, подобно Атлантиде, скрылась под морскими волнами. Желательно завтра.

Стремительно становящееся casus belli захудалое герцогство являлось не более чем гримасой Фортуны и Клио. Уже к шестнадцатому веку это был совершенно нежизнеспособный уродец, спасти которого не смогло бы никакое чудо и никакое вливание сил извне. Тем паче все соседи только и думали, как наложить лапы на земли выродившихся рыцарских орденов, а местные жители, включая обросших свинарниками и салачными угодьями рыцарских потомков, спали и видели приход завоевателей. Любых. Дело кончилось свеями, и кончилось надолго, но, увы, не навсегда. Накануне перекроившей Европу Северной войны ливонское дворянство затосковало о былых правах и привилегиях, и в Стокхольм отправилась депутация, в которую затесался состоящий на свейской воинской службе некий Рейнгольд фон Валльш-

тедт. Сей достойный господин в требованиях вернуть снег былых столетий зашёл столь далеко, что королевский суд приговорил наглеца к отсечению правой руки и конфискации имущества.

Ну что бы этому безумному барону Рейнгольду попасться в руки свеев – но он сбежал из-под носа гнавшихся за ним королевских драгун и, обуздав природную склочность, сумел уболтать государей Пруссии, Дании и Саксонии, получить деньги и солдат и вторгнуться в Ливонию, развернув знамя с тяжеловесным крестом давно испустившего дух ордена. Местные немцы, включая солдат и офицеров свейского короля, толпами перебегали к фон Валльштедту, с востока наседали русские, и вскоре вся территория от Млавенбурга до Ревеля была захвачена. Саксония из войны вышла, но дошлый Валльштедт заключил с Пруссией и Россией соглашение, по которому воссозданное Ливонское герцогство становилось протекторатом Пруссии, а восточный берег Млавы и Суомия отходили к России.

Так и не встретившийся со свейским палачом новоявленный герцог мирно скончался в 1727 году, благополучно передав сыну крепкое владение. Новым ливонцам продолжало везти и дальше – Буонапарте, изгнав Морица-Иосифа из Берлина и разбив русских, вторгся в Россию, но Ливонию ввиду недостатка сил трогать не стал, удовлетворившись её разрывом с Пруссией и нейтралитетом. Когда французы наступали, герцог Рейнгольд IV сидел тихо, как благовоспитан-

ная ливонская мышь под веником; когда вымерзшие остатки Великой Армии побежали назад – ударил в спину, блохой оседлав чужую победу. Если б кайзер и василевс Кронид догадались тогда же хитрое насекомое и прихлопнуть! Пруссии достало бы Ревеля с его портом, а Россия получила бы своих вернославных. Если бы… Теперь тупые амбиции Рейнгольда V и, что греха таить, кайзера с василевсом для пруссаков и русских вот-вот обернутся тысячами смертей, одновременно способствуя прибылям австрийцев и замыслам англичан.

Не желая даже думать о последующем, граф поднялся по лестнице.

От воды всё явственней тянуло холодом – Ладога уже дышала осенью. Замёрзший Шуленберг протёр пенсне, поднял воротник и вернулся к карете. Сегодня ему особенно не хватало военного атташе, бывшего командира и просто старшего друга. Генерал фон Зерофф ещё весной по настойчивой и единодушной рекомендации посольского доктора и пяти его анассеопольских коллег отбыл на лечение. Берлин запросил мнение Шуленберга – ждать ли возвращения почти семидесятилетнего атташе или же прислать в Анассеополь замену. Граф Александер просил ждать, и в *этом* ему пошли навстречу.

Апартаменты фон Зероффа пустовали, посол собственноручно поливал столь любимые стариком монстеры и фикусы. Увы, величественные растения не могли ни посоветовать, ни поддержать, а с секретарями и советниками фон Шуленберг

откровенности себе не позволял. Как и с нежно любимой, но такой разговорчивой Урсулой.

Пройдя в свой кабинет, господин посол накрепко запер двери. Особняк уже отходил ко сну, и только в личной приёмной ждал распоряжений лакей Мартин.

Фон Шуленберг подбросил дров в жарко пылающий камин, тяжело опустился в кресло. Сцепив пальцы, долго смотрел на огонь.

Сегодня ночью всё равно не спать. Похоже, это последняя его депеша в Берлин, которая ещё может что-то изменить. Курьерское судно отойдёт с рассветом, на нём в Ревель отправится должным образом зашифрованное сообщение прусскому двору. И это сообщение должно быть таким, чтобы все, решительно все поняли бы, в какую игру их почти втянули.

Наверняка содержание его депеши быстро станет известно в Форин Офисе. Проклятые англичашки. У них слишком много денег, и они не жалеют их на подкуп… Можно ждать и неприятностей по службе. Берлин на все его многочисленные воззвания отвечает одним – убеждайте русского императора в нашем исконном миролюбии и стремлении решить дело без применения силы. Подчёркивайте нерушимость Брюссельских трактатов, признанный Анассеополем протекторат прусской короны над Ливонией, откуда делайте вывод, что…

Посол оборвал себя. Хватит.

Перо стремительно бежало по бумаге, каллиграфически правильные буквы выстраивались, словно готовое к бою войско. Роты слов вставали плечо к плечу, батальоны-абзацы щетинились штыками выводов, и личная печать господина чрезвычайного и полномочного посла казалась знаменем, поднятым над идущей в отчаянную атаку армией.

«Я убеждён, что император Арсений не имеет планов захвата и аннексии Ливонии. За годы моей миссии в Анассеополе я неоднократно имел возможность убедиться в его личной честности – как в жизни, так и в политике. Ещё не поздно вступить в переговоры, поскольку сосредоточение армейских сил России на ливонских рубежах потребует не менее полутора месяцев. Военное же столкновение с русскими станет прелюдией к войне, последствия которой страшно себе представить…»

Фон Шуленберг писал, вставал, досадливо тряс уставшей рукой и садился обратно к столу. Раздражённо чёркал, вымарывал слова и целые фразы, потом, взглянув на мерно тикающие напольные часы, чертыхнулся и полез в сейф за шифровальными таблицами.

С зарёю письмо посла, превратившееся в бессмысленные колонки цифр, отправилось в Анассеопольский порт. Ревельское судно, поднявшееся против течения по широкой и медленной реке, стояло наготове – к нему одна за другой подкатывали пролётки посольств, куриеры в сопровождении мрачных сержантов сгружали дипломатическую почту. За

всем происходящим наблюдал невыспавшийся и угрюмый почтовый чиновник в мундире и с серебряным свистком в петлице. Досмотр категорически воспрещался, что бы там ни вздумалось господам послам упаковать в мешки, хоть отрезанные головы людские.

Граф фон Шуленберг отвёз письмо в порт лично. Он не спал всю ночь, не выпускал депешу из рук, сам сжёг все до единого черновики, все бумаги, что были на столе, сам зашифровал текст и был уверен, что из его кабинета ничто «утечь» не могло.

Другое дело – Кайзерштрассе…

Глава 3
Хотчина под Анассеополем 17 сентября 1849 года

Огромный лебедь забил крыльями, зашипел и вперевалку погнался за серенькой кряквой, имевшей несчастье приблизиться к его светлости. Уточка торопливо и испуганно заковыляла к воде, но лебедь не успокоился. Испуская сварливые крики, он двинулся следом, нелепо шлёпая по стриженной на аглицкий манер траве перепончатыми чёрными лапами.

– Ну и свинья же вы, Милорд! – с чувством произнесла великая княжна Зинаида Авксентьевна и оглянулась, не подкралась ли madame. К счастью, рядом не случилось никого, кроме белоснежного владыки сонных вод. Одержав блистательную победу, Милорд успокоился и уселся на всё ещё зелёную сентябрьскую траву. Утка уплыла, стало тихо. Зинаида Авксентьевна вздохнула, расправила ленты шляпки и вернулась к присланному престарелой родственницей роману.

Читать о несчастной и скучной любви бедного благородного шляхтича к добродетельной золотоволосой анассеопольской княжне не хотелось. Увы, грозная Варвара Виссарионовна, окружив себя на старости лет литераторами, не только рассылала родне творения своих любимцев, но и учиняла допросы с пристрастием. Уличённые в невнимании

бывали нещадно изруганы, а злополучные книги неумолимо возвращались к «легкомысленным бездельникам». Проще было прочесть сразу, обращая особое внимание на клички собак и имена лакеев. Варвара Виссарионовна полагала, что сии мелочи несовместны с пересказом с чужих слов. И ошибалась. Читающий первым заносил мосек и горничных в книжечку, которая и шла по кругу, но у бедного молодого человека из сочинения господина Чудинова не имелось ни лошади, ни лакея, ни хотя бы мопса, а лишь возвышенные чувства и скорбь о бедах угнетённого отечества.

Унаследовавшая простодушную отцовскую жизнерадостность, Зинаида разделить сии и им подобные скорби не могла, что же до возвышенных чувств, то они у великой княжны имелись в избытке. Девушка ещё двенадцатилетней отроковицей отдала сердце командиру старшего брата. Кавалергардский майор был светло-рус, сероглаз, спокоен и одет строго по форме, но черно– и златокудрым романным страдальцам он не оставил ни малейшего шанса. Как и самой Зинаиде Авксентьевне – майор был счастливо женат, а двоюродную племянницу василевса ждал брак с одним из немецких принцев, с каким именно – Арсений Кронидович пока не решил.

– Причащаешься? – Весёлый голос оторвал Зинаиду от трёхстраничного рассуждения о добродетели и пороке. Вернее, от привычных, как осенние хотчинские красоты, и столь же щемяще светлых мыслей.

– Нет, очищаюсь, – девушка с радостью отложила постылый том и улыбнулась высокому кавалергарду, – через страдание! И что б Варваре не завести левреток?

– Я был бы счастлив и мартышкам! – Великий князь Геннадий Авксентьевич, он же братик Геда, раскрыл книгу на первой попавшейся странице и, завывая, как самый маститый литератор, прочёл: —

«*Варвара Васильевна! Любезная моя Басенька, первый и последний раз я обращаюсь к Вам столь вольно…*

– Отчего же, пан Тадеуш? – тихо переспросила Варвара Васильевна, перебирая пальцами своими кисти вишнёвой шали.

– От того, – горло Хабровича перехватила спазма, и он замолк, страдальчески глядя на предмет чувств своих, – от того, ненаглядная Варвара Васильевна, что Вы рождены в дикой стране, растоптавшей и поработившей мой бедный край. Чувства мои к Вам сильнее смерти, что неизбежно ожидает меня в конце пути моего, но долг велит мне быть с теми, кто гибнет за свободу моей Польши.

Увы, нас слишком мало, чтобы победить, но смерть наша не будет напрасной. Те, кто из страха либо же корысти мирятся с чудовищем у своего порога, услышат его рёв и поймут, что рано или поздно будут пожраны сами, как пожрано моё несчастное Отечество. Пусть страх за собственную жизнь принудит их сделать то, что они не сделали во имя

сострадания к ближним своим!..»

Чёрт бы его побрал!.. Скотина! – Геннадий размахнулся и зашвырнул книгу далеко в пруд. Полетели брызги. – Сожалею, что не могу запороть этого субчика на конюшне, как пристало обитателю варварской страны!..

– Зверь! – Княжна, подобрав сиреневое платье, подбежала к берегу. Вода была на диво прозрачной, но привыкший бросать мяч кавалергард отправил чудиновское творение слишком далеко.

– Брось, Зюка. – Геннадий зло рассмеялся. – Не всплывёт, уж больно переплёт знатен! Пусть карпы читают, авось духом возвысятся… А Варвара точно из ума выжила, такое привечать!

– Просто ты не знаешь, – Зинаида бросила тоскливый взгляд на ставшую вновь зеркальной озёрную гладь и вернулась к брату, – наша Варвара в девичестве любила одного шляхтича…

– Вот тебе и чай с конфектами! – присвистнул великий князь. – Николай свет-Леопольдович, поди, рассказал?

– Он же мой крёстный, – улыбнулась Зюка. – А шляхтич тот служил в гвардии, был весьма недурён, только связался с Радживоллом.

– Надеюсь, его расстреляли? – Лицо брата вновь стало злым.

– Разве что во Франции… Он бежал в Париж, прислал Варваре посвящённый ей полонез, а потом бог его знает. Мо-

жет, и погиб, там как раз смута началась.

– Занятно было бы, если б субчик сей по аристократизму шляхетскому своему фонарь парижский украсил, только, боюсь, выкрутился и к Буонапарте пристал, благо тот сволочь со всей Эуропы присобрал. Ладно, будем надеяться, наш любовник замёрз в страшных русских лесах… Лехам, им не привыкать.

– Варвару жалко. – Замёрзший ли, нет ли субчик княжну не занимал. В отличие от замужества без любви.

– О да, – хмыкнул Геннадий Авксентьевич, – безутешную девицу выдали за остзейского мерзавца, в придачу до мозга костей верного присяге. Право, жаль, что Софья встряла в делёжку лешского пирога. Отдала бы панов, раз уж по-хорошему не понимают, австриякам с пруссаками, и дело с концом!

«Может, и в самом деле «жаль», – подумала княжна. – Тиранили б их, а мы бы сочувствовали, как сейчас вернославным ливонцам да сербам с болгарами».

– А как же *твой* Росский? – внезапно нашлась Зинаида, постаравшись улыбнуться. Улыбка получилась, но сердце предательски затрепыхалось. – Его что, тоже австриякам?

– Вот ведь, – Геннадий покаянно вздохнул, – с Фёдором вечно забываешь, что не свой… И он забывает, иначе мы б уже раз двадцать стрелялись. А признайся-ка, Зюка, что Фёдор Сигизмундович хорош? Ведь хорош, а?

– Хорош, только не блондин! – выпятила губку княжна,

внезапно заинтересовавшись исчезавшими вдали журавлями. – Какая осень тёплая… В прошлом году по утрам морозно было, а сейчас у маменьки розы цветут. Как в июле…

– Повезло. – Геннадий нахмурился, тоже думая о чём-то своём.

С ним это случалось. Вот смеётся, шутит, корчит рожи, а вот и нет его, улетел в дальние дали. И лучше не трогать – цапнет и не заметит. Сестрицы, будучи укушенными, дулись, маменька нюхала соль и жаловалась папеньке, тот обещал выругать и сбега́л к Бичурину или Борелли, а Зинаида к Гединым вывертам привыкла. Пусть думает о чём хочет – не жалко. Она и сама не прочь забиться в уголок и помечтать. И чтоб никто не трогал!

– Зюка, – вернувшийся с небес брат был хмур, чтобы не сказать зол, – ты понимаешь, куда мы, прости Господи дядюшку Арсения, вляпались по доброте его душевной? Нашли кого спасать! Лехов нам мало было, «единоверцы ливонские» занадобились… Единоверцы, как же! До первого сребреника, а дальше как придётся! Чует моё сердце, увязнем здесь по уши, а османы ждать не станут. Мы в Ливонию, они – на Балканы, болгар давить, а из тех вояки, как из собачьего хвоста сито… Разве что Кириаковичи вмешаются, да сколько их, раз, два и обчёлся.

– Папенька говорит, герцог ливонский струсит, а нет, так Шаховской с ним управится шутя, – зачем-то сказала Зюка. – Думаешь, нет?

– «Папенька говорит…» – передразнил Геннадий. – Папенька наш – как та птица заморская, попугаем именуемая. Что слышит, то и повторяет, хоть за умником, хоть за дураком, а Ломинадзев – дурак набитый.

– Дурак, – с удовольствием согласилась Зинаида, вспомнив холёного князя с ласковыми до сальности глазами. – Хорошо, он к нам больше ездить не станет.

– Плохо, – Геннадий ловко подобрал жёлудь и с силой запустил в ближайший ствол, – очень плохо, Зюка. Если б он привозил папеньку от Борелли, сидел бы тут, а не в Ливонии…

* * *

Мадера была чудеснейшей, в отличие от беседы. Нет, великий князь Авксентий Маркович не имел ничего против кузена Джорджа, но только если родичу не требовалось чего-то добиться. Конечно, помощь в той истории с Полин пришлась кстати, но восемь тысяч серебром – это всего лишь восемь тысяч серебром, ссора с Арсением всяко обойдётся дороже.

– Нет, Георгий Кронидович! – Князь с тоской посмотрел на настырного гостя. – Тут я помочь ничем не могу. Не могу, и не проси даже. Всё понимаю, любезный кузен, что прав ты, нечего нам лезть в дела ливонские, то суть глупость и варварство, но что с того? Если государь не внемлет родному

брату, разве ж он прислушается ко двоюродному? Нет, нет и ещё раз нет!

– Увы, – развёл руками Джордж, – *его* не остановит никто, сие верно, однако ж друзьям нашим надобно знать – лучшие умы Державы не разделяют заблуждений государя, сколь пагубных, столь и трагических. А от тебя, дорогой мой, потребно немногое. Всего лишь отобедать с несколькими очень достойными господами и поделиться с ними своим мнением. И всё.

– И всё? – с сомнением переспросил Авксентий Маркович, памятуя о привычке кузена начинать с ногтя, а заканчивать рукой. – Душа моя, я, конечно, не против, а повар у тебя выше всяческих похвал, но меня опять неправильно поймут… Тауберт, оглянуться не успеешь, так всё развернёт…

– Николай Леопольдович имеет большое влияние на государя. – Джордж сплёл и расплёл пальцы. – Слишком большое. Признаюсь, мне трудно объяснить эту склонность брата.

– Удивительная приязнь, – с удовольствием подлил масла в огонь Авксентий Маркович. – Одно слово этой колбасы немецкой для государя дороже сотни моих. В прошлый раз – по твоей просьбе, кстати! – вступился я за молодого Шигорина, и что же? Тауберт выложил какие-то написанные паршивцем стишки, Шигорина сплавили на Капказ, а я имел пренеприятнейший разговор.

– Пренеприятнейший, не спорю, но, доберись мадемуа-

зель Полин до государя… – улыбнулся Джордж, – боюсь, вышло б куда хуже. Твои привычки, любезный кузен, обходятся тебе дорого, а великокняжеские уделы, как я слышал, будут урезаны. Армия, армия, ненасытная утроба, орда в золотых эполетах! – Гость самую малость сощурился, что у аглицких «гентельменов» должно было означать высшую степень презрения. – Брат холит их и лелеет, а нужно тратить совсем на иное. Сердце моё обливается кровью, потому что Арсений стремится к большой войне, а застоявшиеся вояки его усердно подстрекают. Всё, всё, что скоплено и что следует употребить во благо Державы, генералы пустят на ветер, а войны нам с нашей отсталостью не выиграть. Мы должны вежливо стучать в дверь цивилизованного мира и просить его помощи в приобщении к прогрессу, а не пытаться высадить эту дверь ногой.

– Ну, ты всё же не преувеличивай. – Авксентий Маркович задумчиво почесал породистый нос, прикидывая, с какой карты лучше зайти. – Своям шею намылили, османов окоротили, Буонапарте жару дважды задали, по Парижу промаршировали, а ты – «снисхождение»… Кто мятежников всяческих по слёзным просьбам концерта твоего Брюссельского к ногтю брал? Уж не Аннушка ли твоя аглицкая?

– Мой дорогой, – Джордж отодвинул пустой бокал и достал плоский золотой портсигар, – ты отменно разбираешься в балете, французском театре и винах, но не берись судить о предметах, от них далёких. Что теперь в прошлых побе-

дах? И как их одержали? Бессмысленное стадо, рабы, в солдаты отданные за проступки, воровство да бродяжничество. Общины с помещиками в рекруты самых худших посылали, лишь бы отделаться. Александр Васильевич наш драгоценный командовал тупым и безграмотным быдлом, кое, как и положено быдлу, не боялось смерти, отсюда и все пресловутые чудеса.

Ты давеча вспоминал Буонапарте, – кузен с видимым удовольствием закинул ногу на ногу и в упор воззрился на затосковавшего родича, – что ж, поговорим и об этом. То, что на Дворцовой торчит нелепейший и безвкуснейший столп, не может являться доказательством нашего триумфа. Буонапарте, что тебе вряд ли известно, не преследовал цели уничтожения или даже унижения Державы. Ему лишь требовалась целостность континентальной блокады против Англии – дело, конечно, скверное, не спорю. России же и Пруссии император желал преподать урок – не более того. И ещё надобно знать, каждое из прямых столкновений неизменно заканчивалось тем, что нам от души пороли задницу. – Джордж выпустил элегантное колечко дыма. – Да, мой дорогой, да.

Авксентий Маркович поёрзал – как-то это уж совсем не лезло ни в какие ворота. «Пороли задницу»!.. Что-то тут выходило неправильно.

– Да, пороли задницу, мой дорогой. – Кузен перегнулся через стол, пристально взглянув в глаза. – Если ты изучишь непредвзятые источники, а не отечественных подхалимов,

норовящих выслужиться перед Арсением, поймёшь многое. Балабановка? Горстка французов остановила целый корпус нашего героя Осташинского. Угрень? Армию спасла случайность, а город был потерян. Битва на Нарче…

– Это ещё что за битва? – набычился Авксентий Маркович. Кузен Джордж уж слишком любил показать образованность. – Я такой не знаю.

– Ах, дорогой. – Георгий Кронидович сделал небрежно-досадливый жест рукою с зажатой меж пальцами пахитоской. – Я предпочитаю источники объективные, сиречь европейские, а там… ну, скажу, чтобы тебе стало понятно, – Калужинская битва. Каковую Буонапарте выиграл вчистую. Мы потеряли вдвое больше, чем французы, и принуждены были к оставлению позиций…

– Но в войне-то мы победили или кто? – искренне возмутился Авксентий Маркович. – А у тебя, Егорий, как-то совсем уж странно получается. Выходит, что…

– Что за нас всю работу сделал генерал, нет, фельдмаршал Мороз и огромные наши расстояния, – не моргнув глазом, объяснил Джордж. – Целей похода, особенно политических, Буонапарте не достиг. Оставаться в России смысла не имело, а потом Великую Армию добили холода. Заслуг наших в том нет. Но и тогда, как и при Софье с её фаворитами, можно было бросить тупое быдло под картечь и проложить дорогу себе штыками. Теперь же всё решают телеграф, фабрики и паровые машины… Ты вот, к примеру, слышал про совокуп-

ный доход?

– Сразу и не припомнишь…

– Не слышал, – с удовлетворением заявил Джордж. – И я очень удивлюсь, если слышали брат Арсений с его жандармами, а без понятия сего, без научного подхода нам с Европой не тягаться. Не сомневаюсь, твой разлюбезный Шаховской завязнет в ливонских снегах до весны, а на март назначен Конгресс. Ливония потребует защиты и получит её. Или ты думаешь, мы с нашими ваньками и федьками выстоим против всех, с кем Арсений умудрится рассориться?

– А куда нам деваться? – тоскливо поинтересовался Авксентий Маркович. Лезть к государю с подобными разговорами не хотелось, но урезанный удел, когда и теперь-то концы с концами не сводятся…

– Мы должны выйти из Ливонской войны, не начавши её, – быстро сказал Джордж, – или, по крайней мере, дать понять Европе, что даже семья государя не разделяет воинственных его устремлений и осознаёт всю безнадёжность сей политики. А Тауберта не опасайся, он не столь вездесущ, как может показаться.

От необходимости отвечать, равно как и от утомительной необходимости думать, чем сможет помочь Державе тот факт, что в Эуропах узнают о разногласиях в августейшей российской фамилии, Авксентия Марковича избавили пробившие пять раз часы и лакей, возвестивший о том, что на террасе накрыт чайный стол.

* * *

– Зинни, маленькая моя, какая же ты большая! – воскликнул дядюшка, и Зюка обречённо подставила для поцелуя лоб. Авксентий Маркович одарил гренадерским ростом не только обоих сыновей, но и младшую дочь. Георгий Кронидович находил это забавным уже года три, папенька находил забавным вообще всё, а маменька, в свою очередь, порицала всё, выходившее за пределы приличий. В частности, девицу, имевшую неосторожность глядеть сверху вниз на добрую половину молодых людей.

– В нашем роду недомерков не водится. – Благоухающий мадерой великий князь заключил угрюмую дщерь в объятия и подмигнул супруге. – Сколько ты, душа моя, породу ни портила, а трое из пяти удались на славу! Борзые, не левретки!

Маменька не ответила – разливала чай. Поджатые губы обещали затяжное ненастье – не сейчас, после отъезда родичей.

– Дорогая Зинни, – кузен Джеймс, по своему обыкновению, постарался загладить неловкость, – ты сегодня удивительно хороша. Это сиреневое… Оно напоминает о весне и пармских фиалках.

– Яшенька, сиреневое напоминает о сирени. – Геда поцеловал маменьке руку, и уголки вечно опущенных губ слегка

приподнялись. – Удивительно тепло для сентября, не правда ли, Егорий Кронидович?

– Да, осень в этом году прямо-таки парижская. – Дядюшка с сомнением поглядел на двоюродного племянника. Геда терпеть не мог как «аглицкого» дядюшку с его стеками и портсигарами, так и кузена с кузиной, и Зюка не сомневалась, что чувство это взаимно.

– У меня под окнами до сих пор цветут розы, – заметила маменька, водружая на малый чайник барыню-грелку, – Георгий Кронидович, душа моя, возьмите сливок.

– Спасибо, Долли. – Дядюшка благосклонно принял чашку и пригубил. – О, узнаю «Чёрный бархат». Прекрасный сорт, и как заварен. Класть в такой чай сахар – преступление, а сливки – тем более.

– В таком случае Держава населена преступниками. – Геда от души плеснул себе сливок, которых, к слову сказать, обычно в рот не брал.

– Не преступниками, но людьми невежественными, – потупилась кузина Мэри. – В Европе до сих пор вспоминают, что дедушка Кронид пил чай, как солдат. С блюдца. Дул и шумно прихлёбывал, словно купец в трактире. Да представимо ль вообще такое?!

– А не вспоминают ли в оной Эуропе, как и зачем дедушка Кронид там оказался? – Геда смотрел не на кузину, а на дядюшку.

– К счастию для нынешнего положения нашего, нет. – Се-

рые глаза Егория Кронидовича сузились. – Мы как раз говорили с твоим отцом о том, что времена бессмысленной храбрости миновали. Нынешние войны выигрывают или проигрывают до их начала, успех ныне зависит от дипломатов и коммерсантов, а не от генералов. Увы, мой брат Арсений этого не понимает и говорит с иностранными кабинетами недопустимо дерзостно. Сие весьма недальновидно. Этот его манифест… – Кузен Джордж проделал слабое движение кистью, долженствующее изображать разочарование. – Европа возмущена и обеспокоена. Опрометчивость государя, чтобы не сказать более, встанет Державе дорого. Не правда ли, кузен?

– Пожалуй… – Авксентий Маркович пожал богатырскими плечами. – Арсений бывает… неосторожен… Эти, как их… ливонские чухонцы свеч не стоят. То есть я хотел сказать, надо бы дождаться Конгресса…

– Именно, душа моя, – просиял дядюшка, – дождаться Конгресса и обратиться к просвещённым государствам с просьбой об арбитраже. А что сделал мой брат?

– Вы и впрямь не знаете? – удивился Геннадий. – Государь заговорил с просвещёнными государствами на единственном языке, коий те способны понять. Зачесть вам манифест? В нём имеются ответы на все ваши вопросы, хотя мне хватило одной-единственной фразы: «*Того требует честь и достоинство России и всего народа русского*». России и народа русского, дядюшка!

– Уволь, дорогой мой, – Егорий Кронидович добродушно рассмеялся, – я сие уже слышал и более не хочу. Ужасный слог и ужасный смысл, вернее, отсутствие оного. Холопы тамошние, судьбой коих ты озабочен, кому угодно молиться станут, хоть и ханьской Ши-Цзе, лишь бы податей не платить, да и кто их утесняет? У них там свобод да прав поболее, чем в нашей державе. Просто чухонские вернославные от природы глупы, неразвиты и ленивы. В этом они и впрямь родные братья нашему хамью. Ну и зачем нам из-за них лезть на рожон? А земли ливонские, если брат мой их в уме держит, нам впрок не пойдут… Нет, не пойдут…

– Дядюшка Егорий, – Геда был сама кротость, но Зинаида успела заметить, как у братца полыхнули глаза, – а балканские земли кому впрок пойдут? Турку или же Эуропе?

– Если бы ты, Геннадий, в самом деле пёкся о благе балканских племён, ты бы желал им привлечь внимание цивилизованных стран, способных извлечь их из варварского первобытного состояния. Нам сие не по силам: утопающий не может спасти утопающего.

– Вы полагаете, мы тонем в варварстве?

– Не я, – дядя с печалью, можно даже сказать со скорбью, коснулся губами чашки, – так полагает весь просвещённый мир, все мыслящие люди…

– Георгий Кронидович, – брат округлил глаза, – я-то числил вас англоманом, а вы если не санкюлот, то буонапартист! Иль не знаете, кем сия идея порождена? Директорией фран-

цузской, вот кем! Они начали, а Консульство с Империей на щит подняли. «Храбрые австрийцы, вестфальцы, баварцы, лехи, черти болотные… Неужели вы будете сражаться вместе с северными варварами, идущими поработить вас?» Узнаёте стиль и слог? Нет, я понимаю Буонапарте, ему Коалицию расколоть требовалось, а вы-то чего добиваетесь, дядюшка?

– Я не буонапартист, – поспешил отречься от Потрясателя Эуроп сын его победителя, – но кто бы ни говорил, что вода мокра, а снег – бел, истина остаётся истиной. Говоря о русских, Буонапарте был прав.

– Что ж, дядюшка, будь по-вашему. – Так Геда смотрел в детстве, когда целился из подаренного министром Двора «татарского» лука. – Я готов признать Буонапартову правоту по нашей части – после того как вы подпишетесь под его же мнением об англичанах. Помнится, их тоже вычёркивали из Эуроп. Не как варваров, как безродных торгашей, лишённых корней, почвы и культуры. Итак, вы согласны, что подданные Аннушки Тюдор и иже с ними подлы, коварны и искони враждебны благородным жителям континента?

– Э-м-м… – Георгий Кронидович замялся, – не уверен, что ты правильно понял…

– Желаете глянуть парижские журналы? Они у меня все здесь. 1801 год, 1807-й, 1811-й… Надеюсь, вы достаточно хорошо понимаете французский?

– Геннадий! – нахмурился папенька. – Не забывайся. Его-

рий, так ты говоришь, тётушка Варвара пребывает в добром здравии?

– Хотел бы я в её годы сохранить столь ясный ум, – принял помощь Джордж. – Это великая женщина и делает великое дело.

– Стало быть, вы, Егорий Кронидович, – медовым голосом осведомился Геда, – затеяли проведать всё наше семейство и начали с праматери Варвары?

– Не вижу в том ничего дурного, – насупился папенька, – хотя я, признаться, к ней не ездок. Уж больно разговоры там умственные разговаривают. На сон клонит.

– А мне отрадно там, – не согласился дядюшка, – отрадно потому, что есть и в нашем отечестве литераторы, преизрядно пишущие. И не зазорно им брать за пример лучшее, что создано в просвещённом мире.

Геннадий шумно вдохнул воздух, и Зюка замерла в новом предвкушении.

– Уж не господина ли Чудинова вы изволите нахваливать? – Геда поднёс ко рту чашку. – Занятный курилка. Держал его опус в руках не далее как сегодня.

– Чудинов и впрямь хорош, – оживился дядюшка. – Но я заезжал похвалить северные элегии Кнурова. Упоительно и дерзко, очень советую. Касательно же Чудинова, я, признаюсь, приятно удивлён, что ты читаешь этакого вольнодумца.

– О, сие слишком громко сказано. – Геда лукаво улыбнулся. Не дяде – сестре. – Я прочёл всего страницу, после чего

отправил книгу в пруд, о чём и прошу вас донести Варваре Виссарионовне. Однако того, что я прочёл, довольно, чтобы с вами не согласиться. Бери господин Чудинов за образец аглицких литераторов, он бы писал о победах отечества своего и о том, что россияне всегда правы лишь потому, что они россияне, а с теми же горцами капказскими надлежит обходиться как с мятежными индусами да индейцами. Однако, сдаётся мне, я могу назвать, у кого господин Чудинов позаимствовал свои вольнодумные идеи.

– У кого же? – пискнула Зюка, ещё не зная, что скажет брат, но не сомневаясь, что дядюшкина физиогномия вытянется, придав ему известное сходство со столь любимыми им англичанами или же лошадьми.

– У кого? – Геннадий поставил чашечку на блюдце. – Разумеется, у того животного, что имеет обыкновение гадить там же, где ест. Оно весьма популярно в Англии. Правда, не в палате лордов, а на обеденных столах.

– Геннадий, – подала голос маменька, – ты сегодня невозможен…

– А дядюшка Егорий возможен? – Брат всё больше походил на оскалившегося мастифа. – Будь в *этой стране* хоть четверть тех зверств, кои расписывают господа чудиновы, сидеть бы Егорию Кронидовичу не здесь, а в равелине, а то и на колу. Ибо варварство и дикость…

– Ох, молодость, молодость… – Дядюшка, хоть и слегка порозовевший, продолжал улыбаться. – Только бы поспо-

рить да подраться… Все мы в юности таковы.

– Ой ли? – Геннадий медленно свернул салфетку. – Что-то не припомню я, дядюшка, за вами отличий воинских. Это государь в бытность свою великим князем на капказской линии «Егория» за храбрость получил, а князь Орлов да Николай Леопольдович и вовсе чуть ли не все ордена собрали. Вы же, дядюшка, всё больше по Эуропам…

– А ты бы помолчал! – перебил папенька, то ли защищая Егория, то ли не желая вспоминать о собственных подвигах, точнее, об их отсутствии. – Тоже, чай, не на Капказе… Гвардионец анассеопольский.

– Авксентий Маркович! – Глаза матери нехорошо сверкнули. – Думай, что говоришь…

– Отчего же, – усмехнулся Геннадий, – батюшка прав. Не знал, как сказать, а тут такая оказия… Третьего дня подал я прошение государю. О переводе к Росскому. Хоть поручиком. Потому что гвардейским гренадерам отдан приказ выступить к ливонской границе.

Смысл сказанного братом ударил так, что ногти впились в подушечки ладоней, и мысль проскользнула чужая, отстранённая. Сейчас что-нибудь разобьётся, подумала Зинаида, глядя на пёстрый от посуды стол, – просто потому, что так всегда случается в романах. И потому, что маменька то и дело роняет вещи, а папенька в минуту жизни трудную швыряет их об пол и топает ногами.

Чашка и впрямь вырвалась у княгини из рук, но не раз-

билась… Почему?

– Геннадий! – страшным и трагическим шёпотом провозгласила Дарья Кирилловна. – Ты не сделаешь этого, Геннадий! А если и сделаешь, я, я… не допущу того! Я брошусь в ноги государю, я буду умолять его пощадить мои седины, мою бессильную старость…

Зюка прикусила губу – роскошные маменькины волосы, кои, несмотря на возраст, не пробило и единой белой нитью, служили предметом давней зависти всего старшего поколения августейшей фамилии. И младшего тоже.

– Маменька, – Геда встал, вновь взял её за трепещущую руку, прижал к груди, – не могу допустить, чтоб считали бы вы своего сына презренным трусом, бегающим от опасности. Лакедемонянские матери говорили…

– Не хочу! – пронзительно-зверино вскрикнула княгиня – так, что Зинаиду продрало настоящим ужасом. – Не допущу!.. Не позво-олю!

Поднялась ужасная суматоха. Бежали маменькины горничные с нюхательными солями, растерянно топтался папенька, Геда с пылающими щеками отступил к окну, закусив губу, но не опуская взгляда. Дядюшка Егорий и кузен с кузиной торопливо откланивались.

– Постыдился бы, племянник, – бросил на прощание Георгий Кронидович. – Мать твоя – святая женщина…

– Так не удивляйтесь, что я хочу быть её достойным. – Геннадий не отвёл глаз.

Зюка осторожно, бочком, подобралась к брату, коснулась кончиками пальцев судорожно сжатого кулака.

Геда коротко взглянул на сестру, кивнул едва заметно, но так благодарно, что Зюке немедля захотелось совсем не по-великокняжески расплакаться.

Глава 4
Анассеополь
18 сентября 1849 года

1. Особая его василеосского величества. Собственная Канцелярия по благонадзорным делам

Выписанные с похвальной дотошностью кавалергарды в кирасах и касках замерли в конном строю на нарисованном плацу. Можно было встать, подойти к окну, отдёрнуть портьеру и увидеть этот самый плац воочию. Пустой, мокнущий под зарядившим ночью холодным дождём. Осень вломилась в город, как опоздавший на дежурство корнет. Вот его и духу нет, а вот стоит, точно век тут был…

– Ваше высокопревосходительство, – негромко доложил адъютант, – экипаж у крыльца.

– Спасибо, голубчик, – кивнул Николай Леопольдович, – сейчас спущусь.

Адъютант тенью скользнул за дверь. Щёлканья каблуками и боданья головой Тауберт не поощрял даже в бытность свою командиром Конного лейб-гвардии полка.

Господи, неужто это и впрямь было когда-то? И нынешнего шефа Жандармской стражи большей частью заботили лишь выучка да выходки конногвардейцев, вечно норовящих во всём превзойти кавалергардов, не исключая, увы, и кутежи? А уж случай с ростовщиком Гусиковским, из-за чего, собственно говоря, он, полковник граф Тауберт, нежданно-негаданно оказался именно в этом кабинете и от кажущегося теперь безоблачным прошлого остались лишь дарёная вездесущим Янгалычевым картина да плац за сдвинутыми портьерами…

Николай Леопольдович невольно улыбнулся. Какие же мелочи вводили нынешнего сатрапа в недоумение и неистовство! А ведь когда ростовщик вздумал вдруг определить своего отпрыска в полк его василеосского высочества Севастиана Арсеньевича, для чего скупил векселя конногвардейцев на изрядную сумму – как сейчас помнится, восемьдесят три тысячи рублей серебром – и пригрозил в случае отказа их все опротестовать, Тауберт едва не дал волю рукам. Наглеца вывели вон, а векселя – векселя пришлось оплатить из собственного кармана. Благо было чем.

Смешно, но Гусиковский-младший, годом позже произведённый в офицеры лейб-гусар, никакого отношения к отцовской затее, как выяснилось, не имел и вообще оказался человеком достойным, что показало потом шигоринское дело. А вот для Николая Леопольдовича визит ростовщика обернулся письмом государя, прознавшего о случившемся, госу-

дарем же возвращёнными деньгами и строгим предписанием сдать полк князю Иванчикову. Приняв в то же самое время у стареющего Карачаева Собственную его величества Канцелярию с корпусом Жандармской стражи.

Почему выбор пал на него, Николай Леопольдович так и не понял, но в роду Таубертов не уклонялись от долга, сколь бы неприятным тот ни казался. И потом, должен же кто-то нести сей крест, и почему не он?

При этом к доносчикам граф относился с непозволительным для его должности кавалергардским презрением. «Доносчики нам не надобны, – часто говаривал он, собирая верхушку Канцелярии. – Что там корнет Ряженский в пьяном виде об их василеосских высочествах наговорил – меня не волнует. Не пьяные болтуны опасны, а трезвые молчуны. Кто громче всех кричит, тот скорее всего ничего и не сделает. А потому, господа, ищите тех, кто настоящую измену чуять будет. Если всем ябедам ход дадим – скорее Державу взорвём, чем вся Европа, вместе взятая, вздумай она напасть».

Кто умел чуять настоящую крамолу, сыскивались. Пусть в малом числе, но сыскивались, другое дело, что Николай Леопольдович всё больше склонялся к выводу, что крамолу, настоящую крамолу, извести при желании и известном уме можно, а вот глупость, подлость и мздоимство вряд ли. Хуже того, они эту самую крамолу и питают, когда вольно, когда и невольно: так и не отрёкшийся до конца от своей вольнодумной юности Орлуша тому живой пример. Не носился

бы князь так со своими конституциями, не мешай ему воры, лизоблюды да бестолочи или имей военный министр хотя бы возможность спровадить голубчиков в отставку по закону… Но Сергий тянет свой воз молча, о его недовольстве, как и о нелюбви к государю, знают только самые близкие, а сколько таких орлуш по России? Когда человек годами бьётся как рыба об лёд, пытаясь либо сделать что-то полезное, либо добиться справедливости, и раз за разом нарывается или на тупость, или на алчность, или на равнодушие, и одеты эти тупость, алчность и равнодушие в вицмундиры. Вот так и уверяются как в собственной вечной правоте, так и в том, что с противником все средства хороши и противник этот не дурак-чиновник, но… Держава.

Однако хватит философствовать, пора ехать, да, пора. Николай Леопольдович собрал со стола бумаги, аккуратно разложил по ящикам бюро и тщательно запер. Несколько особо важных папок убрал в сейф. Лишний раз осмотрел кабинет, конторку рядом с пирамидой каталожных ящиков, узкую козетку возле окна, круглый стол с парой венских кресел подле – за ним шеф Жандармской стражи беседовал с посетителями. Неважно, сколь надёжна охрана, сколь прочны решётки на окнах второго этажа и сколь хорош замок в дверях самого кабинета, – документов бывший кавалергард на виду не оставлял никогда. «Что, Никола, шпионов аглицких пасёшься?» – подшучивал порой Кусака Янгалычев, но граф Тауберт на насмешки внимания не обращал. За содер-

жимое его сейфа европейские кабинеты заплатили бы золотом по весу, десяти-, а может, и стократно.

Здесь хранилось всё. Тщательно и осторожно выстраиваемая агентура разведки внешняя и внутренняя, доклады из лешских земель, рапорты осведомителей из гущи студентов, гвардейских офицеров, донесения с мест, тайные ревизии в глубинных губерниях, отчёты жандармских управлений из провинции – всё то, из чего складывалась подлинная жизнь государства Российского.

Нет, порядок должен оставаться порядком, подумал Николай Леопольдович, заперев вторую пару дверей. Остзейская душа его не терпела разбросанных документов, тупых перьев и нечищеных сапог, но врагов Державы она не терпела ещё больше. Потому и малевали графа Тауберта то с топором, то с верёвкой, то с оскаленной пёсьей головой у кавалергардского форменного седла. Одну такую парсуну сатрап велел повесить в своём кабинете. Государь-василевс долго смеялся…

Палач всея Руси улыбнулся воспоминаниям и вышел в приёмную. Полковник Феоктистов, верный помощник ещё с капказских времён, поднялся из-за стола. Феоктистова тоже называли псом. Пёс, сторожащий пса… Такая картинка тоже существовала. В салоне графини Варвары Виссарионовны Левенвольде собирались известные остроумцы, они и породили сию аллегорию, и если бы только её! Бедный троюродный дядюшка Иван Карлович, знай он, кого привечает

его вдова, восстал бы из гроба, дабы оказать отечеству последнюю услугу и увлечь неразумную вместе с нахлебниками в тартарары…

– Как раны, Фома Порфирьевич? – осведомился Тауберт, кивая вскочившему с шинелью наготове денщику Смирнову, тоже капказцу. – Не беспокоят? Погоды-то переменились.

– Да леший с ними, с ранами, Никола Леопольдович, – откликнулся полковник. – Поноют да перестанут, а вот каково Шаховскому на марше? Ежели уж у нас сейчас дожди да ветер, то у Млавы месячишко спустя вовсе форменное светопреставление учинится.

– Осень не в нашей власти, – Тауберт привычно повернулся спиной, и Смирнов ловко подал шинель, – а вот насчёт амуниции да припасов проверить не помешает. Подбери-ка, друг любезный, ревизоров потолковей, чтобы с утреца вдогон выехали, вот прямо сейчас и подбери, а я подожду. Сытому солдату да в добрых сапогах никакие дожди не страшны…

Пугнуть интендантов и князя Ломинадзева, хлебосольнейшего начальника штаба Второго корпуса, всяко полезно, а большего ни шефу Жандармской стражи, ни самому военному министру не сделать – Млавскую демонстрацию государь числит едва ли не по ведомству канцлера, коему положено вести переговоры с иноземными державами. Боёв и сражений, равных даже не Зульбургу – Капказу, василевс не ожидает, потому и выбран Шаховской. К князю Арсе-

ний Кронидович благоволит ещё с мятежа. «Может, не столь умён, да верен!» – а чтоб пройти до границы или, буде герцог Рейнгольд упрётся, – до Млавенбурга, Арцаков не требуется.

И всё вроде правильно, только не спешат ливонцы боять-ся, правда, и лаять, в отличие от аглицких да французских газет, не пытаются. Берлин с Веной тоже в рот воды набрали, впрочем, Шаховскому ещё идти и идти. К концу октября Млавенбург, может, и образумится… Янгалычев в это верил свято, Николай Леопольдович надеялся, Орлов отмалчивался, отгоняя настырного Васеньку рассказами о введении контуазского способа в ствольном производстве. Утром во время конной прогулки Тауберт спросил Сергия прямо, и тот припомнил старую Иоганнову затею с наёмниками.

Покойный кайзер был достаточно упрям, чтобы не подписать мир с разгромившим его Буонапарте, и достаточно благоразумен, чтобы укрыться со всем семейством в России. При Морице-Иосифе пруссаки лишь поговаривали об объединении всех немецких земель под берлинской крышей, Иоганн же начал действовать и не встретил понимания. Рейнский союз заявил протест, Брюссельский концерт принял его сторону, и новый кайзер вроде бы притих. А через полгода стало известно, что с треском изгнанный с прусской службы генерал фон Пламмет набирает частную дивизию и в средствах отнюдь не стеснён. Само собой, тут же вспомнили, что начинал он в полку чёрных гусар, причём пользовался особым доверием его шефа кронпринца Иоганна,

чьи амбиции по большому счёту и стоили генералу карьеры. Оказавшись в Анассеополе в должности военного атташе, фон Пламмет ввязался в интригу, целью которой было обвинить австрийского коллегу в шпионаже. В случае удачи это могло привести к осложнениям между Австрией и поддержавшей её в споре с Пруссией Россией. Удача, однако, обернулась своей противоположностью. Опрохвостившийся атташе, несмотря на зульбургские геройства, был выслан из Анассеополя. Престарелый Мориц-Иосиф отправил голубчика в родовые земли гонять зайцев; с воцарением же Иоганна отставной генерал всплыл в Баварии с большими деньгами. И кто мешал никак не связанному с Пруссией «обиженному» фон Пламмету поддержать какой-нибудь дворцовый переворот? И кто мешал новым властям слиться в родственном германском порыве с Берлином?

Затея была шита даже не белыми нитками – красными. Австрия заявила протест, традиционно имеющая влияние на германскую мелочь Россия её поддержала, но до скандала не дошло. По Европе покатились революции, и свежесобранная дивизия пришлась очень кстати. Потом началась испанская распря, в которой пригодились и французский Иностранный легион, и молодцы фон Пламмета. Предполагается, что, когда нужда уже почти победившей стороны в иностранных штыках отпадёт, оные штыки отбудут в бунтующие испанские колонии в Мавритании, благо от Испании до Африки рукой подать, но на фон Пламмете свет клином не сошёлся.

Такие же «приглашённые» Рейнгольдом «новые кондотьеры», оплаченные если не самоустранившимся Берлином, то не желающей балканского передела Веной, могут объявиться в Ливонии. Арсений Кронидович этого, в отличие от Орлова, не допускает, а доказательств обратного ни у военного министра, ни у шефа жандармов нет…

– Полковник Бобырев.

– Что-что, голубчик?

– Полковник Бобырев, – повторил привыкший к таубертовским «мечтаниям» Феоктистов. Он стоял у каталога, держа нужную карточку. – Неглуп, цепок, два воровства в интендантстве раскрыл…

– Благодарю, Фома Порфирьевич. Да, Бобырев… помню его. Когда интендант Петрикович щебень да мостовой камень для дороги закупал, а заместо этого песок поставил?

Феоктистов коротко и хрипло хохотнул.

– Он самый. Никто поверить не мог, сколь нахально мошенничество своё проворачивал…

Николай Леопольдович молча кивнул. Подполковник Бобырев представил потом доклад, из коего следовало, что ниточки тянутся наверх, чуть ли не к великокняжеской фамилии, но твердокаменных доказательств собрать не удалось, дело пришлось закрыть, ограничившись лишь ссылкой ушлого интенданта на Чукотку. Затем пришёл донос на самого Бобырева. Ложный, но неприятности у подполковника были немалые. Ничего, выдержал и, сам проверяемый, рас-

путал ещё одно замысловатое воровство, после чего и стал полковником.

Да, Бобырев сможет. Бульдог – коль вцепится, так уж не отпустит.

– Пишите приказ, Фома Порфирьевич. Чтобы утром уже выехали, – напомнил шеф жандармов.

– Не извольте беспокоиться, Николай Леопольдович. И команду с полковником отправлю, и экипировки не пожалею.

Тауберт кивнул и попрощался.

2. Бережной дворец

Василевс в любимом полковничьем мундире со всё тем же единственным крестом на правой стороне груди высился посреди кабинета, вперив тяжёлый взгляд в гостя и родича. На хмуром тяжёлом лице не было ни радости, ни удивления, только раздражённое нетерпение. Тем не менее заговорил царственный кузен довольно мирно и вовсе не о том, чего опасался Авксентий Маркович.

– Знаю, о чём хлопотать станешь. – Сильный голос, каким только и зачитывать манифесты перед выстроенными прямоугольниками полков, звучал хрипло, казалось, василевс сейчас зайдётся в кашле. – Не трудись, твоя Дарья у меня уже была.

– Эк её! – слегка опешил великий князь. – Я-то думал, она к ранней заутрене наладилась, а она вона куда!

– Мать есть мать, – открыл Америки кузен. – Сии расстройства понятны, но я её утешил: князь Геннадий остаётся.

– То есть… Ну, Дарья, хоть бы словечком… – попытался собраться с мыслями Авксентий Маркович. Хорошо, конечно, что не пришлось объясняться с целью визита, оставалось перекинуть мостик к уделам, а если разговор не заладится – заговорить о военных непотребствах и неминучем поражении? Или, напротив, посетовать на Джорджа с его англи-

чанами? Дескать, несёт не подобающую члену августейшей фамилии чушь, и хорошо, если дальше семьи сии пакости не пойдут, а ну как проговорится при ком-нибудь? Сраму не оберёшься!

– Ты садись, – Арсений Кронидович думал о чём-то своём, – давно мы не говорили. Автандил, любезный, подай-ка нам чаю. Или ты кофию желаешь?

– Если не мадеры, мне без разницы, – усмехнулся великий князь, – что чай, что кофий, много не выпьешь.

– Что ж, – решил василевс, – раз тебе без разницы, будешь чай, а мадеру до обеда пьют только бездельники.

– А я кто? – поднял не тронутую сединой бровь Авксентий Маркович. – Бездельник и есть.

– Ты – коптитель небесный, – государь всё же усмехнулся, – но от тебя хотя бы вреда нет. За Геннадия не опасайся. Пусть и он, и твоя супруга думают, что я слезам её внял, а тебе лучше знать, с чего я молодца еройствовать не отпустил. А не отпустил я его с того, что за ним другие потянулись бы, и как бы я их задержал?

– А чего задерживать? – не понял коптитель небесный. – Душа горит, так пущай повоюют. Кому на балах вальсировать да статс-дамам болонок гладить, сыщем.

– Верно сказано, – задумчиво произнёс государь, – да мало подумано. Те, кто голову за Отечество сложить желают, Рождество встретят на Млаве, а Троицу – на Дунае. И останутся в столице те, кому до славы нашей дела нет, и это ещё

в лучшем случае. А ну как опять заговор случится, а верные офицеры – кто на Балканах, кто на Капказе?! Нет, Авксентий, не отпущу я верных. Научен.

– А что? – всполошился Авксентий Маркович. – Опять эгалита с фратернитой? Вот ведь похабство…

– Рано пока говорить, – василевс откинулся на спинку кресла, с одобрением глядя, как камердинер утверждает на столе серебряный самовар, – но о бессмысленных юношеских мечтаниях ныне речь уже не идёт. Против Державы злоумышляют не щенки, но волки, и разговор с ними пойдёт как с волками, в какие бы шкуры сии звери ни рядились.

– Это Тауберт твой дичь поднял? – нарочито хохотнул Авксентий Маркович, загадав, что, если обойдётся, откажется от ложи в Опере. Всё равно в последние годы там сплошные «Жизни за отечество» да Еруслаы с Февронiями.

– Нет. – Государь проводил глазами Автандила и с наслаждением отхлебнул из аляповатой пузатой чашки. Как ни тужились управители Софьинского завода вкупе с послами саксонским да ханьским, Арсений Кронидович хранил верность прадедовской посуде, спасибо, из ковша не пил.

– А кто, если не Тауберт? – Спрашивать было опасно, но Авксентий Маркович был слишком напуган, чтобы играть в кошки-мышки.

– Кто? – переспросил государь. – А вот этого тебе, братец мой двоюродный, знать не обязательно. Не один Никола о Державе печётся, а слухами земля полнится. Вот до тебя ни-

чего такого не доходило?

Авксентий Маркович торопливо отправил в рот кусок испечённого на привезённой из Володимера воде калача и старательно задвигал челюстями. Мысли понеслись, как бочонки под гору. Джордж таскается по родичам, как поп на Пасху, вот и дотаскался. Геда, тот порычит да замолкнет, а кто-то поддакнет да побежит с доносом… Кто-то… Уж точно не Варвара, при её приживалах даже Джордж языка не распустит. Значит, кто-то, к кому кузена занесло к вечеру… А ну как англоман паршивый наплёл, что они в сговоре, и ещё Дарья! Эта, чтоб меньшого при себе удержать, чего только не брякнет…

Великий князь скорбно выпятил губу:

– Уж не знаю, как и сказать, но с Егорием нашим свет-Кронидовичем вовсе худо… Не верит он ни в победу, ни в Шаховского с Ломинадзевым. Я пытался его обнадёжить, какое там! Долдонит, что куда нам с суконными рылами да в просвещённые Эуропы! Я ему про князя Александра Васильевича, а он, дескать, что храбрость нынче ничего не решает, а нужен один пар механический. Я про Буонапарте, дважды битого, а он про морозы. Калужина у него и то нет, а есть какая-то баталия при реке Нарче, кто б такую речонку ещё вспомнил! Словно не русскими словами говорит человек, а в дурных книжках аглицких вычитанное повторяет…

– Тяжко тебе пришлось, я вижу. – Василевс сам наполнил чашку, отпил и не то улыбнулся, не то скривился. – Люблю,

когда горячо… Значит, боится Егорий, что побьют нас?

– Кабы боялся! – пожал плечами Авксентий, разламывая соты. – Ждёт того, чтоб потом ловчей за англичан ухватиться.

– То есть? – Глаза Арсения Кронидовича нехорошо блеснули, но отступать великому князю было некуда. – Что за англичане?!

– Да не знаю я, заезжие какие-то… Егорий хотел, чтоб я им сказал, будто не согласен я с высочайшим Манифестом и не верю, что мы Иоганна, ежели тот за герцога ливонского вступится, расколотим.

– А ты, выходит, веришь? – Серые глаза буравили Авксентия Марковича насквозь.

– Ещё бы я не верил! – воскликнул великий князь с той искренностью в голосе, что не раз и не два спасала его от дамского гнева. – Князь Ломинадзев, Ираклий Луарсабович, светлая голова, как раз перед самым отъездом в войска ко мне заезжал и Шаховского привозил. Они от пруссаков мокрое место оставят, и снег лечь не успеет, только б те сунулись… Хотя куда им! Не верит Леонтий Аппианович, что пороху у них хватит, так что стоять нам у Млавы и ждать, когда у ливонцев юшка со страху потечёт, а ведь потечёт… Только что мы с ними потом делать-то станем, с красивыми такими?

– А вот об этом, – государь не отводил пристального взгляда, – мы в Брюссельском концерте и объявим.

* * *

Великий князь Геннадий Авксентьевич восседал в особом, для караульного офицера приспособленном кресле, ровно аршин проглотил.

Как и положено офицеру лейб-гвардии Кавалергардского полка во внутреннем карауле, он был в белом мундире и супервесте красного сукна, с егорьевскими звёздами на спине и груди. Правом снять одну крагу и расстегнуть чешуйку от каски князь не воспользовался – злился.

При виде воинского чина первого класса Геннадий Авксентьевич вскочил и нарочито бессмысленно щёлкнул каблуками. Николай Леопольдович махнул рукой.

– Мерзкая погода, голубчик.

– Так точно, мерзкая, ваше высокопревосходительство! – рявкнул Геннадий. Надо полагать, вечером в Хотчине будет весело. Если только возмущённый отказом кавалергард не рванёт за утешением к цыганам или не затеет ссору.

– Как там крестница моя, – самым домашним образом осведомился шеф Жандармской стражи, – поздорову ли? Давненько я её не видал…

– Моя младшая сестра сейчас в Хотчине и пребывает в добром здравии, – отчеканил Геннадий, но глаза его слегка потеплели. Похоже, Зинаида опять заодно с братом.

– И зря, что в Хотчине, – граф Тауберт укоризненно по-

качал головой, – Зинаиде Авксентьевне пристало блистать при дворе, а не грустить в осенних парках. Что ж, майор, дежурьте. И передайте сестре, что я буду иметь счастие навестить её при первой возможности.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – Двоюродный племянник государя вновь зверски щёлкнул каблуками. Геннадий был одно лицо с отцом, только уж больно разное вино налил Господь в одинаковые мехи. Что ж, люди не собаки. Это от гончих родятся гончие, а от мопсов – мопсы, двуногие же вельми разнообразны и снаружи, и внутри, не угадаешь…

Старенький придворный арап услужливо распахнул маленькую дверцу. Николай Леопольдович мог входить в личные покои василевса не только без доклада, но и без приглашения, другое дело, что пользовался этим не так уж и часто. Сегодня же его ждали.

– Что, Автандил, государь занят?

– Двоюродный там. – Царивший в буфетной седой чернобровый камердинер прожил в Анассеополе больше полусотни лет, но от гортанного говора так и не избавился, зато был верен как Крониду Антоновичу, так и сыну его. – Но велели заходить… Ждут…

– Хорошо. – Тауберт мимоходом глянул на часы с золотыми фазанами. Четыре пополудни. Минута в минуту, как и было велено.

Скрипнула скрытая ширмой дверца, два высоких плечи-

стых человека у стола обернулись одновременно. Лицо первого озарилось улыбкой, второй был откровенно раздосадован.

– Входи, Никола, садись, – потребовал государь, – чай остыл, да Автандил сейчас новый принесёт. Слыхал, что Авксентий говорит?

– Нет, ваше величество. – Василевс за пределами парадных покоев в общении предпочитал простоту и требовал в ответ того же, но Тауберт в простоте преуспел лишь наполовину. Граф держался вольно с государем лишь наедине и при тех, кому доверял. Великому князю Авксентию шеф жандармов верил не больше, чем флюгеру в ветреный день. Причём флюгеру пустоголовому. – Добрый день, ваше василеосское высочество.

– Брат Егорий воду мутит, – хмуро бросил Арсений Кронидович, не дав кузену раскрыть слишком уж забитого калачом рта. – Ливонскую кампанию ругает и других на то подбивает. Намедни вот к Авксентию заезжал, хотел, чтобы тот с некими англичанами встретился.

– Видимо, речь идёт о лорде Фэйбиане, что путешествует по Европе инкогнито, под именем сэра Бэгби, – предположил Николай Леопольдович. – Он уже посетил Вену и Берлин, откуда отбыл в наши палестины.

– Похоже на то. – Государь отстранился, позволяя Автандилу пронести окутанный паром самовар. – Трейси Алтон, глава кабинета аглицкого, стар, его уход – дело уже не лет,

месяцев. Посол граф Лучников полагает, сменит его либо Фэйбиан, либо Касвэлл, но князю Авксентию сие вряд ли интересно, его более иной театр привлекает…

– Каюсь, грешен, – охотно подтвердил великий князь. – Ну какой из меня политик, сам посуди?

– А раз никакой, так и ступай, – государь занялся самоваром, – Дарье Кирилловне ручку поцелуй.

– Как же иначе? – Авксентий Маркович торопливо, но не теряя достоинства, поднялся. Общество шефа жандармов его никоим образом не радовало. – Милость твоя, Арсений Кронидович, безмерна, век за тебя Бога молить будем…

– Иди уж, – прикрикнул василевс, с юности не терпевший изъявлений благодарности. – Да Зинаиду не прячь. Чтоб к субботе здесь была, а ты, Никола, что чаю не пьёшь? Любишь же…

Чай граф Тауберт любил, но не при чужих и тех своих, кто хуже чужого. Навроде ушедшего бонвивана. Арсений Кронидович об этом время от времени «забывал» и начинал выговаривать. Вот и теперь.

– Всем ты хорош, – попенял василевс, – но слишком уж привержен этикету. Будь ты индюком или, того хуже, церемониймейстером, понятно было б, а так с чего чиниться? На Капказе да на Дунае мы с тобой иначе говорили…

– Здесь не Капказ, – с сожалением признал Николай Леопольдович, бросая в чай сахар. Остановиться на двух кусках не получилось: всесильный сатрап с детства любил сладкое,

и эта слабость, которую лишь слегка потеснило пристрастие к табаку, увы, уже отражалась на его фигуре. Пока спасали ладно скроенный мундир и ежедневные конные прогулки, но времени на них оставалось всё меньше.

– По-твоему, дышать только под пулями и можно? – набычился государь. – Вернулся в столицу человек, а стал истукан? Нет, друг мой, этикет того не стоит… Лишь умирающие немецкие династии, коим заняться более нечем и существование иначе не оправдать, подобными пустяками себе голову забивают…

Громко тикали часы, барабанил в окно докучливый дождь, государь рассуждал об этикете, падении нравов, былых и будущих победах и дурном ливонском климате, а Николай Леопольдович слушал и пил свой чай. За годы он привык и к этой своей обязанности. Арсений Кронидович слишком много думал и слишком о многом молчал, чего удивляться, что порой ему требовался не докладчик, но слушатель.

Первый раз кавалергард Тауберт слушал поручика егерского лейб-гвардии полка Алдасьева-Серебряного у костра под огромными южными звёздами. Низложенный Буонапарте писал трактаты в замке Святого Ангела, и василевс Кронид вновь обратил взор за Дунай. Пахло полынью и чабрецом, фыркали кони, перекликались часовые, а будущий василевс рассуждал о балканских единоверцах. Сколько раз списывали сербов со счёта, а они поднимались и брались за

оружие, не то что чухонцы, те только скулить горазды. Ныне же из-за скулежа того…

– А теперь вот в собственном доме змеи развелись. – Государь отставил чашку, давая понять, что воспоминания и рассуждения позади. – Егорий-то свет-Кронидович не только спенсеры да панталоны английские натянул, но и совесть. Не то беда, что не любит он Россию, но только себя лишь, а то беда, что спит и видит себя василевсом. Понимает, что, с какой стороны ни глянь, невозможно сие, а душа горит. Ну а фэйбианы и рады! Подбивают на гнусности, того и гляди, под крепость подведут. Жаль дурака, как-никак родная кровь, а всего хуже, что разлад меж нами всем ведом.

– А на Капказ? – посоветовал Тауберт. – В Грозную, статским губернатором? Разок горцы дикие обстреляют, будет в резиденции сидеть безвылазно да реляции сочинять…

– И то дело, – задумчиво произнёс василевс, – только не теперь, а после кампании Балканской. Пусть видят – не из страха брата отсылаю, но из желания видеть в самых диких из земель наших просвещённые порядки. Пока же приглядывать придётся да пугать, чтоб не натворил чего. Я тут Авксентия застращал, уж он-то разнесёт…

– Не похож Авксентий Маркович на испуганного, – невольно усмехнулся Тауберт, – скорей на одарённого.

– От тебя не скроешься. – Василевс тоже улыбнулся. – Обещал я старому греховоднику, что у тех, кто верен, не стану уделы урезать, а после победы на радостях, может, ещё

и увеличу. Теперь Авксентий и сам не изменит, и про других донесёт. Вот думаю, может, не только Егория на Капказ спровадить, но и Авксентия – в Суомию? Объявить о конституции по образцу и подобию лешскому, а затем…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.